

ВЛАДИМИР ПОПОВ

СТАВРОГИНЫ ЗАКРЫВАЮТ АМЕРИКУ?

IX. “Я – мошенник, а не социалист”

К чему призывает эта новая вера, пролетающая на крыльях “культурной революции”? – вопрошает Бьюкенен в зачине третьей главы своего памфлета, озаглавленной “Революционный катехизис”. Тотчас угадывается переключка с “Катехизисом революционера” русского нигилиста Нечаева, одного из прототипов главного героя романа “Бесы” Ставрогина.

Капитан Лебядкин из СПС

Духовное родство “окаянных” нечаевых-ставрогиных и политкорректных “ниспровергателей” Великой американской мечты – несомненно. Это всё та же старая “ересь” вольнодумцев X-ской Пошехонской губернии, переместившаяся в технотронную Америку. “Увы, мы пигмеи сравнительно с полетом мысли Северо-Американских Соединённых Штатов”, – низкопоклонствовал капитан Лебядкин из “Бесов”, сочинявший завещание “отечеству, человечеству и студентам”. Он вычитал в газетах про американского Базарова, который пожертвовал своё немалое состояние на “положительные науки”, а свою собственную кожу – на барабан, чтобы “денно и ночью выбивать на нём американский национальный гимн...”. Уж сколько обретается капитанов лебядкиных в одном только нашем Союзе правых сил – не сосчитать, да только разница в том, что Немцовы и Гайдары норовят три шкуры драть с самих соотечественников ради торжества лжелиберализма в России.

“Капитан говорил горячо, но он был плут”, – подмечал Достоевский о своём персонаже. Плутство и есть либеральный “дискурс” наших “западников”, а что настоящее, роднящее их с американскими интеллектуалами – провозвестниками контркультуры, так это “... всепоглощающая ненависть к своей стране” (Бьюкенен). Воистину, нигде более не найти во всём белом свете подобного интеллектуального помрачения и низости, ручается американский публицист Эрих Хоффнер. Но он зря не берёт в расчёт нашего американолоуба Борового и держательницу сахаровского “правозащитного” бренда мадам Боннэр, эту бабу-ягу самой мерзопакостной русофобии. У всей этой “передовой” и “идейной” публики, голосащей наперебой от Манхэттена до Замоскворечья, которую даже кровь невинных в Беслане не отвратила от их “правого дела” пособничества басаевским головорезам, морализаторский пафос (“слезинка ребёнка”) бьёт фонтаном. “Правозащитники” с “того берега”, с нашим в унисон, словно все одинаковой куриной слепотой страдающие, величают чеченских детоубийц “повстанцами”. Их вызывающий аморализм – не просто политиканство и отрабатывание “грантов”, а черта мировоззрения, по Бьюкенену, всей безбожной контркультуры Запада: “Они отказываются принять кукую бы то ни было высшую мораль, какой бы то ни было моральный авторитет”. А вот, в строку, откровенное признание их литературного предтечи, Ставрогина: “... Из меня вылилось одно отрицание без всякого великодушия”. “У нового Евангелия, – продолжает Бьюкенен, – свои заповеди: ... Бога нет, во вселенной не найти абсолютных ценностей... У каждого человека

Окончание. Начало в № 8 за 2009 год.

есть право вырабатывать (этический) код для себя самого...” (“Атрибут божества моего – Своеволие!” – дерзко восклицал ещё один персонаж “Бесов”). То же самое провозглашается и в культовом американском Гуманитарном манифесте 1973 года, но “корректнее”: “Все образы жизни равноправны”. Данный принцип, обличает Бьюкенен фарисеев-идеологов Демократической партии, подлежит “фиксации в законе, а тех, кто отказывается подчиниться... должно наказать”. “Выходя из безграничной свободы, я заключаю деспотизмом”, – откровенничал Шигалев, ещё один персонаж “Бесов”. Шигалёвщина в Америке до поры держится в тени, молчком, но “новая вера далеко не так миролюбива, как ей хотелось бы казаться”, – бдительно подмечает Бьюкенен.

“Почётные условия сдачи”

“Они... держатся новейшего принципа всеобщего разрушения для добрых окончательных целей”. Каковы же эти благие, возвышенные цели? “... Мы должны совершить *размонтирование* существующей системы”. Первая цитата – из “Бесов”, а вторая из трудов идеолога “новой левой” – кумира поколения “бунтарей” Герберта Маркузе. Совпадение смыслов и ниспровергательного “пафоса” до того полное, будто источник один.

“Бесы” либерализма в правящих элитах, оказывается, в дугу согнули не одних только нас, великороссов. Расклад сил в развернувшейся “войне культур” таков, что “многие консерваторы выторговывают наиболее почётные условия сдачи”, – негодует Бьюкенен. Замечу: лукавый в обличье “либерала” в Старом Свете косит на левый глаз, а у нас в России – на правый (СПС), но и там, и здесь идеологические бесы и лешие морочат и не дают житья, духовного пристанища и великороссам, и потомкам квакеров. Тех самых, что ступили на американский берег с котомкой, плотницким инструментом и Библией за пазухой. Разве мы в России уже не чаем, как нам у власти предрержащей “выторговать” права на наше духовное наследие? Поди, власть нынче набожна! А спроси: да разве наше первородство – предмет купли-продажи? Пусть даже в России всё нынче на продажу – и памятники Отечества, и заповедная роща в Архангельском... И мы, народ, и думские сидельцы глядим безучастно на всё это непотребство, словно заговорённые. И не одни мы, оказывается, такие. Бьюкенен тоже сурово пеняет своим соотечественникам за отступничество от христианских и республиканских идеалов. А на что нам-то уповать, какая сила заступницей нам в бедах? Мы, православные, за сто вёрст идём крестным ходом к чудотворным мощам праведников, вместо того чтобы, благословясь, дружно выйти со своим несогласием на улицы и площади. Непротивление и кротость – не прирождённая черта великороссов. Мир знает нас другими. “Самый непокорный народ” на свете. Не в пример нам, полмиллиона благополучных римлян как один человек выходят на площадь к руинам античного Форума, когда власть имущие идут наперекор их воле, воле граждан.

“Забросившие чепцы за мельницу”

Американцы, застращённые “политкорректностью”, дивится Бьюкенен, бояться и слово вымолвить, когда гомосексуалистов и нечестивцев чествуют на всю страну как апостолов новой культуры. Пока американский обыватель самозабвенно занимается шопингом и по маленькой спекулирует на фондовой бирже, почва из-под его ног уходит. “Америка, в которой выросли многие из нас, сгнула безвозвратно”, – вновь и вновь, как заклинание, повторяет Бьюкенен. Слово его “алармизм” поможет его соотечественникам наконец-то прозреть.

Конечно, наше дело не совсем ещё пропавшее, всем строем своих острых мыслей даёт понять автор “Смерти Запада”. Как проповедью в храме пробуждают прихожан из обывательской спячки, так и Бьюкенен открывает читателю глаза, куда противник нацелил главный удар и почему Америке как нации несдобровать, если не найдёт на неё просветление. Под ударом оплот оплотов – Семья! Добрый муж, дом в пригороде, куча детишек... Где теперь эта былая идиллия, земная благодать, женщины-американки – хранительницы очага? Забытое предание. “Занимайтесь собой!” – этот клич контркультуры из

раскрепостившихся мегаполисов распространился и в американскую глубинку, бывший оплот пуританской морали. Телевизионная “нянька” уже воспитала сызмальства поколение женщин, которые хотя “жить для себя”. Своим примером они воспитали в этой “вере” и дочурок. Сегодня политик, который опрометчиво заикнется о святом христианском долге “хранительницы очага”, не соберёт голосов. Сообщество “забросивших чепцы за мельницу” домохозяек – ещё одна влиятельная “субкультура” избирательниц. Телесериал “Секс в большом городе”, сага о похождениях нескольких жизнерадостных самок в Вавилоне на Гудзоне, который, разумеется, имеет высокие рейтинги на российском ТВ, – просто учебное пособие по феминизму для новообращённых дунечек. Скабрёзность и дидактика, сноровка воительниц на полную катушку пользоваться равноправием полов, восхищение авторов раскованностью греховодниц – не так ли ТВ моделирует “продвинутое” поведение страдающих от скуки, падких на “сладенькое” российских мещанок? Не случайно появление на телеэкранах российской версии этого фильма, сразу побившей рекорд пошлости. Это не безобидное ТВ-мыло, а форменный динамит контркультуры. Но – вольному воля! Сексологи и их адепты на телевидении много чего наплетут про врачевание душевных недугов блудом, но умолчат, во что встало американскому обществу потворство феминистскому “промыванию мозгов”. Число невенчаных пар, так называемых пробных браков и сожительства, в Америке с 1970 года возросло вдесятеро – до 5,5 миллиона. Лишь в одном из четырёх американских семейных гнёзд под одной крышей проживает полная семья (отец, мать и ребёнок). Одинокие американцы – четверть всего населения страны. “Домохозяйка – беззаконная профессия”, – сказала как отрезала профессорша Вивиан Горник. А законница К. Маккинон восклицает: “...Для феминизма не существует разницы между проституцией, браком и сексуальными домогательствами!”

Исчезновение “семейной ренты”

Это вещают не тамошние новодворские, свихнувшиеся на либерализме, не полоумные, а лидеры общественного мнения. Наша большевичка Коллонтай, с её сексуальными завихрениями по молодости, – просто монашка, рядом не стояла. “Одно или два поколения разврата теперь необходимы”. А это ещё кто? Достоевский вкладывает циничные высказывания в уста идеолога “бесов” Петра Верховенского. Писатель не напраслину возводил на нигилистов, а как в воду глядел: их “правда” и высокоидейные злоумышления фанатиков ещё отольются миру слезами. Пётр Верховенский говорил в порыве откровенности: “...Я – мошенник, а не социалист”, но “идеал-то” у него не отнять: “Всемирная общечеловеческая социальная республика”. Патриархальная семья, нравственность, совесть и человеческое достоинство – всё, как ветошь, придётся оставить в предбаннике “нового Рая на земле”.

“Бесы” – роман-фантазмагория, но многое из горячечных бредней ставрогиных сбылось и во всей англосаксонской “упорядоченности” укоренилось в “альтернативном” образе жизни новых американцев и русских. Социологи бдительно следят: “пошёл ли процесс”, или простые джоны и мэри спохватятся, а главы семейств встанут, чего доброго, с дробовиками на пути победоносного шествия контркультуры, совратившей их сыновей и дочерей.

Впрочем, переворот в умах, на уровне обыденного сознания, возвысил сознание “человека улицы” не только до признания полного равенства мужчины и женщины (женский бокс, солдатчина, генеральши и проч.), но и тождества, унификации полов. И только лишь 15 процентов опрошенных всё ещё стоят на своём: мужчина должен обеспечивать семью, а жена воспитывать потомство и держать на себе дом. Эти, последние, которые упорствуют, – “плохие парни” для корпоративной Америки. Ведь они невольно клонят к тому, что напрасно отменили “семейную ренту” в оплате труда американцев. Вплоть до 1970-х годов в США в деловом сообществе существовал негласный уговор: работающий по найму должен получать как часть заработка эту самую семейную ренту, которая позволяла ему, женатому мужчине, содержать свою благоверную и детей. И с 1945-го по 1965 годы в Америке длился “золотой век” семейной жизни. Молодожёны были, как правило, юны. 95 процентов американцев и американок состояли в браке. Америка была чадолюбива, добродетельна и... счастлива. Производительность труда в стране оставалась наивысшей в

мире. В 1957 году экономист Джон Гэлбрейт возвестил, что американцы живут в “обществе изобилия”. Мир хотел попеть за Америкой как образцом. Окончание “золотого века” совпало, по замечанию Бьюкенена, с приходом в университетские городки поколения “бэби-бумеров”, то бишь появившихся на свет в годы наивысшего бума рождаемости. Это они, бедовое “идеалистическое поколение”, и переметнулись на сторону контркультуры. А теперь, позабыв грехи молодости, но не раскаявшись, а лишь остепенившись, всё настырней верховодят в политике, культуре, идеологии и шоу-бизнесе Америки.

На заднем дворе дяди Сэма

Произошёл тектонический сдвиг в судьбе этой всё ещё преуспевающей нации. По необратимости и пагубности последствий его можно сравнить с долей, что сегодня мыкаем мы, великороссы, после крушения СССР и убиения советской цивилизации. Но... Перефразируем Льва Толстого в “Анне Карениной”: каждая несчастливая нация несчастлива по-своему. Это можно сказать и про США и Россию. Напротив, залог счастья стран и наций, несмотря на различие культур, по сути один и тот же: не просто дом — “полная чаша”, а крепкая, многодетная семья, которой покровительствуют государство, церковь, законы, политики и “властители дум”. Есть ли у нас в сегодняшней России что-то похожее?

Вернёмся, однако, к “семейной ренте”. Между 1973-м и 1996 годами реальный средний доход работающих мужчин в Америке сократился — с 37,2 тысячи долларов до 30 тысяч. И это при том, что ВВП США более чем удвоился. Корпорации перестали платить “семейную ренту”, а под лавочку феминизма — “равная оплата за равный труд” — в офисы, за прилавки супермаркетов, в полицию пришли миллионы молодых женщин, стремящихся, по наущению массмедиа, заткнуть за пояс мужчин. Семья как институт стала быстро разваливаться. В 1970 году треть молодых мужчин до 24 лет была свободна от уз брака. В 1999-м их стало уже 68 процентов. И целая треть от общей численности этой возрастной категории у женщин — убеждённые незамужницы. Они и стали передовым отрядом феминистского помешательства, которым скрытно манипулируют американские корпорации, наживающиеся на подшефевшей рабочей силе. Нация бобылей, старых дев и матерей-одиночек — более наглядную картину упадка трудно и вообразить. Экономист и философ Линдон Ларуш издал новаторский труд “Физическая экономика”. Он хорошенько копнул на заднем дворе дяди Сэма, за фасадом процветания и мощи. Кроме величия “Майкрософта”, оказалось, что в американской экономике полно худых мест. В США самое низкое качество рабочей силы из всех развитых стран Запада. Рост гигантского ВВП на поверку наполнен, доказывает Ларуш, “инфляционной трухой”. Американская обрабатывающая промышленность неконкурентоспособна на мировом рынке. Америка живёт в долг и не по средствам, а “качество населения”, хоть по экономическим, хоть по моральным меркам, стремительно падает. Треть иммигрантов едва умеет писать, а выходцы из Гаити и других захолустьев “третьего мира”, на самом деле — язычники, вплоть до исповедующих первобытные шаманские африканские культы.

“Матрица” “погашения” сверхдержав

Правда ли это всё или наветы? Нашим “западникам”, остающимся коленапоклоненными перед Америкой, её мощью, нахрапом и расточительством, скажи только, что их духовные сородичи — американские ставрогины уже подвели страну под монастырь и волей-неволей ведут дело к... “закрытию Америки” — самого крупного цивилизационного проекта во всей истории Запада, — так они скажут, что тот, кто такую гипотезу не исключает напрочь, — белены объелся. Это щедринский персонаж из “Сказки о ретивом начальнике” высказывался, что “необходимо вновь закрыть Америку... но, кажется, сие от меня не зависит?”

Такая тёмная сила, подобно подколодной змее затаившаяся, по Бьюкенену, отыскалась в недрах самого американского социума и истеблишмента. “Мы теряем страну, в которой выросли”. Миллионы порядочных и здравомысленных

лящих американцев разделяют его тревогу и горечь, но помалкивают. Они чувствуют себя преданными. Судьбы, которые уготованы их родине, таковы, что Америка отцов и прадедов, которую им завещали, умножает свои богатства, но утрачивает “душу” и, в конце концов, станет добычей “новых варваров”. Вернее, отдастся им на милость, как Рим времён упадка. Это будет уже другая Америка, от которой захочется бежать на край света. Равно как и Россия, “которую мы потеряли”, теперь уже не понарошку, а всерьёз, на гребне нового века устоит ли под натиском “бесовской” идеологии западничества и внешних недругов? Как бы ни обернулось дело у нас, но и Америке недолго торжествовать. “Не спрашивай, по ком звонит колокол...”

Мы, как заявлено в начале этих заметок, заняты не предсказаниями и прорицаниями будущего, а изучением, сопоставлением и попыткой раскрыть содержание “матрицы”, похоже, в самом деле универсальной и потайной, по алгоритмам которой происходит “погашение” двух сверхдержав – бывших соперниц. Бьюкенен прав и хорошо обосновывает, хоть и недоговаривает: великороссам и коренным янки нанесён удар с тыла. Проруха отыскалась не в экономике, не в военной мощи, а в сфере духа и идей. Ложь “на длинных и тонких ногах” проникала в элиту и слои “оборванцев” постепенно, пока “матрица” не сработала и мышеловка не захлопнулась. Искушение нас “гидрой” плюрализма, которая, сделав своё дело, приказала долго жить, а американцев – “мультикультурной салатницей” – по-своему схожи и неотразимы.

Алчущие “образованцы” на Манежной

Упавшие как снег на голову горбачёвские “новое” мышление и “приоритет общечеловеческих ценностей” означали попросту взлом и намеренное “короткое замыкание” в защитной системе советской цивилизации. После ликования в связи с отменой 6-й статьи Советской Конституции страна, полагаю, была обречена. Крушение сверхдержавы оказалось стремительным. Между бестолковой 19-й партконференцией и развязкой, душным августом 1991 года, прошло времени всего ничего. Зато по ту сторону океана дело ведут неспешно. У “социокультурной мистерии” под названием “закрытие Америки” – иной, замысловатый, тёмный для непосвящённых, сюжет.

“Смерть Запада” – не научное скрупулёзное исследование, а горячая, страстная публицистика. Бьюкенен, словно перед Господом, свидетельствует, как их, американских правых и консерваторов, непорочную великую Америку “бесы” контркультуры взяли в оборот и губят без пощады: дехристианизация, “бабий бунт” феминисток, депопуляция, подмена добродетели пороком... Оглянитесь: разве не то же самое происходит сегодня с российским обществом? Не совсем под копирку, но одна и та же рука и “партитура” расщепления социума и страны угадывается. Вот она, “Великая расквачка”, о которой бредил Пётр Верховенский в “Бесах”, – “какой ещё мир не видал...”. Американские ставрогины расстарались, перевоспитывая поколение NEXT, чтобы сделать его “достойным свободы”. Какая такая ещё “свобода” нужна была поколению “бэби-бумеров”, какого рожна? А что наши “образованцы”? Яковлевы их подначивали: хотите выбраться из “концлагеря”, где всё добро общее, дети сыты и устроены, науки процветают, милиционеры и КГБ никого не крышуют, разве что Абрамовича не всегда пускают в Израиль, да “Плейбой” стража конфискует на таможне? Слабо вам завести своё дело, непременно каждому? Вместо кредита Сбербанка на обустройство – вот вам чёртова дюжина “суверенитетов” и ваучер на “две Волги”. Хотим! – рёвом ответствовала полумиллионная толпа алчущих “образованцев” на Манежной.

“Доверчивость басням”

...Макиавелли в “Государе” размышлял: “...Кажется, будто благодаря какой-то тайной способности народ явно предвидит, что окажется для него добром, а что злом”. Это спасительное нравственное чутьё присуще людям, которые живут своим трудом и преданием поколений. В смуту 1987–1992 годов, признаемся, наш народ его не проявил. Но непостижимую, воистину теребряную глухоту, слепоту и “доверчивость басням” выказали “образованцы”, интеллигенция мегаполисов. Напротив, многие простые люди в глубин-

ке, в моей сибирской деревне Елбань, дальние родичи в станицах и хуторах под Вешенской на Дону, с одним только опытом прожитого, чутьём к неправде и лиху сердцем чуяли беду, раньше нас распознали темную и лживую душонку сладкоречивого “меченого” генсека, да только их никто не услышал, к нашему, “начальников”, стыду. Что было потом?! Здравомыслие нашего народа, крепость духа за чёртову дюжину лет насаждения “новорусского” уклада подверглись “сглазу” чаровницы и блудницы – телевидения. Неладное, происходящее с самосознанием, самой душой нашего народа, на каждом шагу подтверждают факты, которые трудно и взять в толк. Треть наших избирателей безропотно проголосовала за партию “Единая Россия”, избирательная “платформа” которой бойкой скороговоркой сулила всем страждущим сладкую коврижку “национального успеха”, но для не лишённых способности думать сильно смахивала и на “кукиш с маслом”. Не почудилось: вскоре новоизбранные “слуги народа”, посовещавшись с Кудриным и получив благословение президента, “камень положили в протянутую руку” (“монетизация льгот”). Треть опрошенных считает своё материальное положение сносным, а живут-то они чуть ли не на уровне Габона. И ещё один факт, попросту ошеломляющий и прискорбный, на который ссылается Бьюкенен. Опрос 2003 года в Приморье показал, что 74 процента населения Владивостока “ожидают от Китая скорого присоединения Приморья к своим владениям”.

“Коноводы измены” — неоконы

“Никто не подражает побеждённому... Будущее свободы в мире тесно связано с будущим власти Америки”.

С. Хантингтон.

“Американская политика.
Предсказание дисгармонии”

Главные коноводы измены, стоит на своём Патрик Бьюкенен, неоконы. Почти никто из них не выходец из военных и деловых кругов, подмечает автор, “неважная” рекомендация для карьеры в американском истеблишменте во времена “холодной войны”. Вашингтонские остряки злословят, что неоконсерваторам больше известно устройство фабрик мысли (think tanks), чем устройство танка “Абрамс”. “Не знаю, откуда взялись эти неоконсерваторы... Им как-то удалось подчинить себе президента и вице-президента тоже”, – сокрушался генерал Энтони Зинни, возглавлявший Объединённое Центральное командование до 2000 года.

“Едва взглянув на 40-летнего Буша, – откровенничал один из главных закоперщиков-“неоконов” Ричард Перл, – я понял, что он – другой. Мне сразу стали понятны две вещи. Первое – он мало что знает. Второе – ему хватает уверенности в себе, чтобы задавать вопросы, открывающие неполноту его знаний”. Наставник президента США, представления которого о подлунном мире сформировались на ранчо в местечке Кроуфорд, подтвердил характеристику своего советника на саммите в Стрельне. “Коммерсантъ” написал в репортаже, что за ужином Буш вежливо полюбопытствовал у только что прибывшего председателя КНР, долго ли он добирался до Санкт-Петербурга из своего Пекина. И искренне подивился, что полёт занял восемь часов, вслух высказав своё умозаключение, что, оказывается, Россия и Китай – это ещё более крупные, протяжённые по суши государства, чем он прежде думал. Воображал, видимо, себе нашу планету размером с малютку Меркурий. Коль в его голове так устроено пространственное, географическое мышление, то что тогда говорить о геополитических воззрениях. В Техасе, похоже, не все и ведают, что где-то в Латинской Америке есть страны, где тоже заведено говорить по-испански... Однажды по прибытии в Грецию Буш-младший назвал местных обитателей “грицианами”.

Вокруг Михаила Горбачёва тоже, припоминается, крутились некие “продвинутые” всезнайки из шестидесятников, выходцы из академических “фабрик мысли”, склонных и якобы “компетентных” в “глобальной проблематике” переустройства мирового порядка на исходе “холодной войны”. Опус генсека про “Новое мышление для всего мира” явно был в своём роде развитием знаменитого “ипатовского метода” на Ставрополье. К слову, много повидавшие

аграрии дивились тогда, что весь замысел “жатвы по-ипатовски” оказался не-мудрёный: нагнать на поля побольше жаток и грузовиков со всей округи, и чтобы — “аж гай шумел”! Скоропалительность “мечного” распознали и наши “антиподы” американских неоконов и под белы ручки подвели его к капитуляции на Мальте и Форосе. Только никакие они не “антиподы”. Начав за здравие (“Социализм с человеческим лицом”), ныне они такие же заправские “неоконы” и глобалисты — хоть куда. И не мудрено: из одной кассы поступали сребреники, одними сомнительными идеями они окормлялись, и “двойной” лояльностью до сих пор пробавляются. Ныне, при олигархическом капитализме в России, они подпирают власть справа. На пути в Стрельню люди Буша, чтобы Кремлю досадить, с этой другой Россией якшались и “неоконовские” свои разговорчики калякали. Так сказать, **поверх барьеров**. В отместку питерские выкурили радио “Свобода” с многих российских радиочастот, которые ещё в 90-е пустоголовый Ельцин им пожаловал. Пропагандистское учреждение госдепа по-хозяйски обосновалось тогда, так сказать, в глубоком тылу противника. Говорят, в мюнхенской штаб-квартире, откуда “Свобода” вещала на СССР, двери открывались не наружу, а вовнутрь, как в известного толка заведениях. К вопросу об **“открытости”**.

Впрочем, вернёмся в день сегодняшней, к проказам “неоконов” при дворе Буша-младшего, которого они обратили в свою нечестивую веру, на взгляд Бьюкенена, политика и идеолога из непоколебимых правых консерваторов, для которого даже спаситель нации демократ Франклин Делано Рузвельт с его “Новым курсом” — не без греха. Кто они такие — неоконсерваторы — вопрошает автор “Правых и неправых”? Первое поколение их составляли троцкисты, социалисты, левые и либералы, подвизавшиеся, когда уж остепенелись, в администрациях Трумэна, Джона Кеннеди и Линдона Джонсона. Неоконы были закоперщиками “революции Макговерна”, которая на волне социальной и культурной революции 60–70-х годов на недолгое время возобладала в Демократической партии США.

После того, как бывший шеф Бьюкенена — Ричард Никсон, с которым они были единомышленниками, вчистую выиграл у Макговерна президентские выборы 1972 года, будущие неоконы, а тогда всё ещё “розовая публика”, прибились к Республиканской партии. Знали бы боссы республиканцев наперёд, какую змею пригрели! “Эти перебежчики сегодня вещают от нашего имени, — одним из первых раскусил чужаков прозорливый Клайд Уилсон, — однако говорят тем же языком, каким пользовались всегда”. И впрямь, проглядывает некая родственная связь между левацкой “перманентной” революцией по Троцкому и ультралиберальной глобализацией “неоконов”. “Идеологические излишества и бескормица нивы неорадикализма, — рассудил Уилсон, — заставили это кочующее по идеологическому фронту “поголовье либералов” осесть на нашей территории. Наше наследие захвачено коварным узурпатором”.

Архитектор советской перестройки, обмолвись вслух, едва заняв кабинет на Старой площади, что он так “творчески” усовершенствует ленинизм, что его потом не отличить от “рейганизма”, — его бы тут же спровадили на Канатчикову дачу. Или вовсе в дом напротив, на Лубянку, для “профилактических” бесед. Что ни говори, универсальные политические технологии захвата изнутри составившихся, почтенных, но утративших зазор политических партий, находящихся, казалось бы, на пике могущества и, увы, испытывающих кризис идей, пожалуй, во многом сходны и в Новом, и в Старом Свете. “Демократическая платформа в КПСС” — кто-нибудь ещё помнит мотивчик демагогии этой, как тогда говорили, “ламбады”? Но из этого политического “одуванчика” произросли Демпартия златоуста Травкина, Республиканская партия, ныне вполне “неоконовцам” по духу под стать, коли в ней наперсник Дика Чейни Владимир Рыжков подвизается... Параллели эти можно долго продолжать, но ограничимся тем, что политическая доктрина неоконов (“универсализм”) имеет в кругах насквозь проамериканской фронды на Москве широкое хождение.

Крёстный отец движения неоконов-перебежчиков заявил, что “... исторической целью неоконсерваторов является... обращение Республиканской партии... выработка консервативной идеологии нового типа”. “Новый универсализм” в открытую глумится над идейным наследием Великой Старой партии. Заядлый неокон Краутхаммер потребовал от республиканцев “сознательного отказа” не только от американского суверенитета, но и от суверени-

тета как такового. Звучит “шокирующе”, признаётся сам, но на самом деле “всё не так страшно”. И впрямь, спросите нашего доморощенного неокона Германа Грефа, он охотно подтвердит. Правда, после того как в Кремле завели волюнку про “суверенную демократию”, он больше помалкивает, разве что проговаривается...

Настоящего, старого закала консерваторы-республиканцы просто опешили от нахальства краутхаммеров — шахермахеров от “глобализации”. А Бьюкенен от лица единомышленников разразился гневной отповедью “Америка во-первых, во-вторых и в-третьих!”. Но на этот раз не угадал с “хорошим тоном” в **обращённой части** республиканской верхушки — конформистов Новой веры, которые, быть может, чертыхаясь про себя, разучивают по ночам новое Евангелие Республиканской партии. Но, оказывается, ещё лет 15 назад Бьюкенен открыто предостерегал в печати президента Буша-старшего: “Предоставим другим, как им жить”, имея в виду весь остальной мир, куда рвались наводить свои порядки неоконны.

Эти “новые люди” подбивали Америку, только-только управившуюся с противостоянием в долгой “холодной войне”, не задерживаться в своих стенах, а начать глобальную компанию по установлению демократии во всём мире. Старая троцкистская закуска, но только на другой лад. Америка — сверхдержаве, а потому укрепление стабильности — цель, недостойная Америки, тупиковое направление международной политики. “Нам надлежит прибегнуть к творческому разрушению как в американском обществе, так и за его пределами”. Что это, как не проклятая выработка “нового человечества”? “Мы каждый день уничтожаем прежний порядок в бизнесе... политике, юриспруденции... Наши враги всегда ненавидели этот круговорот энергии и креативности... Мы должны уничтожить их, чтобы реализовать свою историческую миссию”, — как оглашенный призывал один из неоконнов, свивших гнездо в Пентагоне, Майкл Лиден. Он внёс и уточнения в “доктрину”. Вопрос состоит не в том, стоит ли дестабилизировать (неудобные режимы. — **В. П.**), а в том, как это делать. Неоконны открыто заявляли о себе, что они — “партия войны”, тогда как вовсе не “творческое разрушение”, а восстановление экономики, инфраструктур и социальной сферы востребовала Америка, издержав триллионы долларов на военные расходы в бесплодном стремлении достичь стратегического силового превосходства в противостоянии с Советским Союзом. Тем временем Германия и Япония ушли в технологический отрыв в гражданских областях.

Неоконны не какие-нибудь залётные птицы, заморочившие всех своими “креативными” идеями и навязавшиеся на голову республиканцам старого закала. За этой “новой волной” чужаков незримо маячила вся финансовая мощь Корпорократии в её новом, не американском, а всемирном обличье и жажде властвовать. Наверное, тогда и происходил разрыв денежного тоталитаризма с Америкой, двухпартийной политической традицией. Уличая “неоконнов” в отступничестве от столбовой американской политической традиции, Бьюкенен ссылается на авторитет Уолтера Липпмана, колонки политических комментариев которого в “Нью-Йорк таймс” прочитывали за завтраком все американские президенты. Ещё в 1943 году, до высадки в Нормандии, Липпман писал: “Везде и прежде всего мы должны преследовать национальные американские интересы. Если этого не происходит, значит, мы строим внешнюю политику на некоей абстрактной теории прав и обязанностей. Иначе говоря, возводим замки на песке”. И чтобы неповадно было искушаться “интервенционизмом”, мессианским глобализмом, которым одержим, спустя полвека, правящий класс, трезвомыслящий Липпман внушал той старой, “домоседской” Америке: “Мы должны проводить только такую политику, за которую нашему народу не придётся платить потом, кровью и слезами”. Линдон Джонсон пренебрёг этим заветом, направив во Вьетнам 500-тысячный экспедиционный корпус, чтобы “вырвать” марионеточный режим в Сайгоне из “когтей Вьетконга”. Верил ли он сам в “провиденциальную роль” Америки “построить на Меконге великое общество”?

Вьетнамский синдром залечен, а теперь за дело взялись ястребы-неоконны, но оперение у них, если приглядеться, вовсе не то, что у орла на американской гербе. К слову сказать, у Николая Лосского в сочинении “Характер русского народа” содержится ссылка на исследование профессора Е. В. Спехторского “Принципы европейской политики России в XIX—XX веках”: “... Это была политика принципов в отличие от западноевропейской политики интересов”. Этим принципам отвечало “... спасти погибающих, верных дого-

ворам и союзникам, спасти солидарный мир”. Россия и втянулась в войну с Германией и Австро-Венгрией, вступившись за православную Сербию. Тут есть над чем поразмыслить, но оставлю судить об этом читателям. Убеждён, что война была неизбежна, и повод развязать её наши исконные друзья нашли быстро. Скажу только, что идеализм американских неоконсов никакого морального посыла не содержит, судя по их делам.

“Если благоразумие – отличительная черта консерваторов, – говорит Бьюкенен, – то Джордж Буш к консерваторам больше не принадлежит”. Объявленный им после теракта 11 сентября крестовый поход против мирового Зла, по его мнению, вовсе не американская, а якобинская идея. “Неоконсерваторы” объявили своим божеством демократию... но наши предки не верили в абсолютную ценность демократии”, – с вызовом, если, дескать, на то пошло, бросил противникам Бьюкенен. Создавая республику, они преследовали целью безопасность и преуспевание Америки. А идея “демократизации Ближнего Востока” может быть только навязана Америке, потому что она от лукавого. Бьюкенен с насмешкой замечает: “Эти идеи Буш почерпнул не в Кроуфорде, штат Техас. Кто вложил эти слова в его уста?.. С Афганистана, Ирака мы начали мировую демократическую революцию, которая будет продолжена до тех пор, пока все деспотические режимы Ближнего Востока не окажутся свергнуты и заменены демократиями”. И Америка, дескать, ни за что не уgomонится, пока весь мир не станет “демократическим”. Это обещание гигантского армагеддона – полоумная идея, геополитическое помешательство, и можно только удивиться, как в стране с высокими традициями политической культуры, могущественной, собравшей со всего мира интеллектуалов всех отраслей и знаний, могла прижиться и восторжествовать такая примитивная, воинствующая и лживая идеология. И дело обернулось так, что и Конгресс, и массмедиа, и большой бизнес – руки по швам! Не такие уж они не от мира сего – эти неоконсы, взнуздавшие, если верить Бьюкенену, Америку. Напротив, практичные, цепкие, циничные, если приглядеться, как ловко переставляют они ноги дяде Сэму. И даже очевидные провалы “крестового похода” выдают за преддверие ошеломляющего триумфа “однополярного мира”. Фукуяма, который уже не возвещает о “конце истории”, подивился: “Читая Краутхаммера, невольно начинаешь думать, что война в Ираке принесла нам сокрушительную победу”.

... Почему Бьюкенен настаивает, что неоконсы – мошенники, а не консерваторы? У него во второй книге много сочных, саркастических обличительных фактов, штрихов, настоящих перлов... Публицист Арно де Бокгрейв прозвал неоконсов “вашингтонскими ликудниками”. Они выработали внешнеполитическую доктрину в духе дуумвирата Шарона–Буша. Ещё в 1992 году Вулфовиц, в бытность замминистра обороны, подготовил для министра обороны Р. Чейни документ “Основы национальной военной стратегии”. “Вашингтон пост” торжественно объявила, что этот секретный меморандум призван определить политику нации на грядущее столетие! Вулфовиц исходил из того, что Америка не позволит впредь ни одной стране мира, России в особенности, подняться до статуса региональной державы. А на что употребить мощь Америки? Загодя до Ирака поделник Вулфовица, бывший троцкист Норман Подгорец, в установочной статье в своём журнале “Комментарий” без околичностей написал, что миссия Буша-младшего – вступить в четвёртую мировую войну против “радикального ислама”. Список ближневосточных режимов, подлежащих искоренению и разгрому, насчитывал семь стран – от Алжира до Палестины. Не позабыл Подгорец и об уничтожении “Хамаса” и “Хезболлы”... Все эти враги Израиля, включая и Саудовскую Аравию, союзную США, назначены были на заклятие.

Ещё один “яйцеголовый”, некто Муравьёв, конкретизировал очердённость глобальной стратегии: “Ирак – тактическая цель, Саудовская Аравия – цель стратегическая, Египет – главный приз”. Станным образом эти сногшибательные планы совпадают с содержанием одной незамеченной, но примечательной публикации в еженедельнике “За рубежом” в 70-е годы, перевод из одного арабского еженедельника: там был обзор негласных планов идеологов Израиля для Ближнего Востока. Все, что в Пентагоне и Белом доме стало при неоконсах президентской директивой, в кругах, близких к армейской верхушке Израиля, тогда ещё, после шестидневной войны прорабатывалось. А именно – раздробление, раздел сразу нескольких окружающих Израиль “неустойчивых” геополитических образований, границы которых произвольно провели, уходя, колонизаторы. “А что же миллиард мусульман, – спрашива-

ет Бьюкенен, — разве они будут сидеть сложа руки немymi свидетелями “величайшего вызова”?”

Ещё один неокон, Вюрсер, опубликовал план совместных действий Израиля и США против Ирака в январе 2001 года, задолго до событий 11 сентября. “Пол Вулфовиц был крайне возбуждён: в первые часы после 11 сентября он советовал Бушу забыть об Афганистане и напасть на Ирак”. Генерал Зинни, наблюдая за настырностью неокон в недрах Пентагона, с солдатской прямоотой высказался: “Эта война — происки неокон”. Им, дескать, не терпится учинить хаос на всём Ближнем Востоке. “Эти дилетанты... не имеют никакого представления о реальности”.

Было ли когда-нибудь в истории что-нибудь похожее, когда узкая группировка лоббистов страны, почти не различимой на карте, подмяла бы под себя государственную машину первой страны мира и ходит по головам? “Америка отказалась от прежней роли честного брокера, — с надривом пишет Бьюкенен. — Президент Буш не восседает во главе стола, за которым ведутся переговоры. Он теперь сидит за спиной Шарона”. Мыслимо ли такое? Увы, не в том проблема, что Буш-младший дал слабину, не в этом загвоздка, а в том, что сам Израиль ещё со времён Шестидневной войны — “непотопляемый авианосец” Соединённых Штатов у вожделенных нефтяных полей жаркой аравийской пустыни.

Новая, хоть и не названная разгадка событий клонит к тому, что есть третья, высшая инстанция — Корпорократия, транснациональные компании и денежный тоталитаризм Пятой авеню. Джон Гэлбрейт ещё в начале 70-х обосновал, что многонациональные корпорации представляют собой “замену рынка как метод организации международного обмена”. Более осторожно он высказался об отношениях ТНК и суверенных национальных правительств, которые они взяли в оборот. И оговорился: “Международные корпорации не потому посягают на верховную власть государства (великая Америка не в счёт. — В. П.), что она иностранная, а потому, что такова тенденция”. Современное государство, дескать, уже не исполнительный комитет буржуазии (национальной, за которую вступается Бьюкенен. — В. П.), а скорее это “исполнительный комитет **техноструктуры**. Под последним, сугубо технократическим эвфемизмом, Гэлбрейт подразумевал раннюю Корпорократию, цветочки которой только-только распустились.

Не виновна ли та часть Корпорократии, что навязала Бушу команду этих оглашенных неокон, в том, что Америка сбилась с пути? Белый дом в авантюре на Ближнем Востоке должен ли подозревать некую “иностранную” силу? Этот вопрос уже лишён смысла, потому, как это раскрыл Александр Зиновьев: “Никакая страна не может стать метрополией мировой империи подобно тому, какие в прошлом были европейские страны”. Единственная сверхдержава — США, стало быть, метрополия условная, потому что мировая Корпорократия имеет сетевую, а не вертикальную структуру. Потому президентская власть не только не в силах пресечь “деиндустриализацию”, “деамериканизацию” Америки, но и является её невольной соучастницей. Национальные интересы и вожделения денежного тоталитаризма часто совпадают, а иногда врозь. Если Белый дом терпит засилие сумасбродных, а на самом деле циничных и хладнокровных политических технологов, использующих американскую мощь и финансы для зачистки окружающих Израиль враждебных режимов и замены их “демократическими”, ручными, то вскоре, как по-писаному, Израиль и вторгается в Ливан, и сметает с лица земли его города и инфраструктуру, с перспективой, если сложится, втянуть в заваруху еще и Сирию и Иран, а Белый дом обеспечивает силовое и дипломатическое прикрытие неприкрытой агрессии, противопоставляя Америку всему мусульманскому миру. Кто для кого таскает каштаны? Не праздный вопрос.

Х. “Каин и Авель нашего времени”

*Потеря территории не является
главной проблемой для России.*

Збигнев Бжезинский

... Был такой диссидент Амальрик. Перебравшись на Запад, не стал мелочиться на поприще убогой антисоветской поденщины. И немало наделал

шуму, издав книжку под названием “Просуществует ли Советский Союз до 1984 года?”. Наш агитпроп тогда его высмеял: завиральная, мол, антисоветчина, злопахательство...

“...С речами странствуют, берут займы”

И впрямь, советская сверхдержава теснила соперника – США, которые после бегства из Вьетнама и экономических неурядиц дома лишь отыгрывались, подрядив тысячи бен ладенов и фанатичных воинственных пуштунов не давать продыху “шурави” в охваченном огнём Афганистане. Но даже Бжезинскому, направлявшему всю эту интригу с моджахедами, о многом не мечталось, разве только во сне. Сфотографировавшись на фоне снежных гор Гиндукуша с винтовкой М-16, он тем не менее знал, что не судьба им одолеть Советы. В Афгане кончилось ничьей. 40-я армия во главе с генералом Громым спокойно и организовано, с развернутыми знаменами переправилась на таджикский берег Пянджа. Никаких предвестий крушения советской империи в помине не было. А что Амальрик? Он, конечно, никакой не князь Курбский, тем более не Нострадамус. Его предсказание гибели советской империи не было голосом Провидения. Но “вещун” не промахнулся, разница лишь в 7 лет.

Беловежские заговорщики тоже ни сном ни духом не ведали, что история уготовила им судьбу советских Геростратов. Пуганые партаппаратчики с нравом обнаглевшей черни и составивший им компанию не то физик-ядерщик, не то пчеловод Шушкевич неспроста прибились к демократии. “... Учёные так остры на язык, но не способны следовать канонам, с речами странствуют, берут займы, не могут править государством”, – порицал Конфуций мудрецов-златоустов, тех, что, и заимев “десять повозок книг”, не знают Пути и приводят дела в Поднебесной в полное расстройство. А ведь это не в бровь, а в глаз и про наших “светочей” конца 1980-х и начала 1990-х, вроде Гавриила Попова с компанией, да ещё, пожалуй, их наставника по части “либерализма” Строуба Тэлбота – вашингтонского “ревизора” наших “демократов” во власти. Когда такие личности на воеводстве или “в визирях” – беды не оберёшься. Перечитайте писания и наставления застрельщиков реформации 1980–1990 годов, и такая горькая досада возьмёт, что хоть посыпай голову пеплом. От представительной демократии, о которой, как о панацее от всех российских бед, твердили кому не лень, теперь остались рожки да ножки. Экономика расхищена. Вырождение, вымирание нации – “процесс пошёл...” А что элита и её теперешний “мозговой штаб” во главе с бывшими юрисконсультами присутственных мест Питера? Вот именно – “... с речами странствуют, берут займы...” А теперь и ссужают дядю Сэма “излишками” нефтедолларов. И это на фоне полного обнищания и угасания отечественной наукоемкой промышленности.

Откровения “Вашингтонского ревизора”

Нынешние “интеллектуалы” и “концептуалисты” во власти – люди бестрепетной души, в особенности когда заводят волюнку про общечеловеческие ценности и алкаемые блага глобализации. Вот и упомянутый Строуб Тэлбот, однокашник Клинтона и “стратег”, курировавший в Белом доме отношения с “новой Россией”, в журнале “Тайм” такое предрекает будущее: **“Все страны есть не более чем социальная условность... Сколь священными они бы ни казались, на самом деле все они – образования искусственные и временные. В ближайшие сто лет национальная принадлежность станет рудиментом, все нации признают единый, глобальный авторитет. Фраза “гражданин мира” обретёт своё истинное значение”. “Условность” и “рудимент” – всё, на чём, оказывается, стоят отечества и весь род человеческий? Прощу заметить, что Тэлбот никакой не “очарованный странник”, не псалмопевец-агитатор, как Тоффлер, а один из кормчих государственного корабля Америки. К нему-то почтительно и прислушивались “подопечные” на Смоленской. Его писание – директива, хотя сам способ мышления – злонамеренная утопия. Это та самая “матрица”, грозящая разразиться своего рода Столетней войной за новый казарменный миропорядок, который сживёт со свету великие отечества – Россию, США, Китай...**

Как “размонтируют” Америку – осведомлённый Бьюкенен раскрывает изнутри, из теневых структур истеблишмента. И выглядит это у него весьма наглядно и убедительно. Замысел ползучей “культурной революции” предстаёт как на ладони. Депопуляция, и иммиграция, и, что очень важно, дехристианизация – архимедовы рычаги глобалистов. И это живо смахивает на лом, против которого нет приёма у “староверов” – защитников единой целостной американской нации, поборников республиканских ценностей и духа зачинщиков “бостонского чаепития”. Он выражен в хрестоматийном завете отцов-основателей: “Свобода без повиновения – анархия. Повиновение без свободы – рабство”.

“И мощь у немощи в плену”?

“...Рим погиб из-за умножения варварского населения империи”, – цитирует Бьюкенен историка Кристофера Даусона. К чуждой им утончённой поздней культуре античности варвары были настроены враждебно, а римляне времён упадка своё первородство принесли в “жертву радостям бездетности”. Автор “Смерти Запада” видит в мистерии падения Рима не просто историческое сходство, а грозное предостережение Америке, которое уже явно запоздало. Что больше всего вызывает досаду у закоренелого “империалиста” Бьюкенена, так это несвоевременность и даже несуразность происходящего: “...Америка – самое развитое государство этой (западной) цивилизации. Другой сверхдержавы не существует. Америка, Европа и Япония контролируют две трети мировых доходов”. “И мощь у немощи в плену”. Отчего же в самом зените Запада “немощь” его рушителей над ним довлеет? Бьюкенен называет одну за другой напасти, против которых Запад оказался бессилён: “вымирание населения”, “массовая миграция людей разных цветов кожи, верований и культур”, возрастающее “доминирование антизападной культуры и морали” в Соединённых Штатах. Наконец **“...распад государств и постепенная передача власти от национальных правительств – мировому”**.

Для Бьюкенена свободное предпринимательство и капитализм – символы его консервативного взгляда на вещи, но корень зла волей-неволей он обнаруживает в нечестивой алчной природе капитала. Точь-в-точь по Марксу: ради сверхприбыли нет такого преступления, на которое капитал не решился бы “даже под страхом виселицы”. Эта сила погубила западной цивилизации воплощена в глобалистской ереси. “Глобальный капиталист и истинный консерватор – Каин и Авель нашего времени”. – Бьюкенен для силы эффекта прибегает к библейской метафоре. А сам глобализм есть “антитеза патриотизма”.

Транснациональные корпорации и в самом деле лишены национальных корней, лояльности государству. Бьюкенен, со всей трезвостью политика, признаёт возрастающее могущество ТНК: “52 из 100 наиболее динамично развивающихся экономических структур мира – это ТНК, и лишь 48 – государства”. Такова “рекогносцировка” сил соперников, “тори и вигов” позднего капитализма XXI столетия, которые противостоят друг другу в мире. Но сильные мира сего не открывают всему белому свету свою семейную распрю. В одном месте текста Бьюкенен прямо называет ТНК “врагами Америки”, но, как бы сам себя осаживая, не идёт в глубину, рассматривая самодовлеющую роль транснациональных компаний в далеко зашедшем перерождении всего западного мира, а грешит на марксизм, “некую подрывную роль идеологов-леваков” Франкфуртской социологической школы, нашедших приют в Новом Свете после прихода к власти в Германии нацистов. “Это всё придумал Черчилль в 18-м году” – одержимость Бьюкенена марксистским заговором “франкфуртских мудрецов” живо напоминает мне шутивную строку В. Высоцкого.

Ненасытный Левиафан

Между тем кайны, прикрывающие свои корыстные интересы велеречивой риторикой глобализации, думаю, на самом деле порождение корпоративной Америки, всего западного финансового истеблишмента. “Мировые деньги”, наследственная идеология меняял, по Ларушу, восходит к самым истокам капитализма – денежной аристократии Венецианской республики. И эта безбоязненная сила, уверен Бьюкенен, ради своего своекорыстия готова пожертво-

вать и ценностями западной цивилизации, уступить её цитадели варварам. В этом, на первый взгляд, есть что-то непостижимое. Не слишком-то раскрыты карты нарастающей глобализации, какой мир ещё не знал, хотя и перед Первой мировой войной глобальные рынки уже сложились.

Наверное, одним из первых уяснил новые правила игры в мировой экономике и несравненную роль транснациональных корпораций Джон Кеннет Гэлбрэйт, автор теории “постиндустриального общества”.

“Происходит приспособление государства к целям и нуждам гигантских межнациональных корпораций”, – без гнева и пристрастия говорит Гэлбрэйт. Движение к глобальному обществу – не корысть или возвышенная цель, а попросту потребность западных стран, средство сохранить достигнутый высокий уровень благосостояния “золотого миллиарда” в новых угрожающих условиях. Ресурсы энергии, сырья, ёмкости рынков на перенаселённой земле ограничены. Западный Левиафан ненасытен. **Идея глобального общества есть идея западная, лезть и выдаёт себя за всечеловеческую. Она подразумевает отношения господства, иерархию стран и народов.** Таков острый взгляд социолога Александра Зиновьева. Не только в “третьем мире” учреждают опеки (валютные управления), но и дома, на Западе, ТНК норовят потеснить и выхолостить национальные государства, а правительства поставить во фронт.

Народилась Сверхвласть, для удержания которой жизненно необходимо распоряжаться ресурсами национальных государств, принуждая к этому публичную власть и управляя из-за кулис. Глобализация – не спонтанная, а “проектируемая и управляемая эволюция”. Сверхвласть ТНК действует исподволь. Законодательные прерогативы парламентов, выборность, разделение властей – всё “на месте”. Однако ТНК подвластны негласные рычаги и средства принуждать государственную власть поступать так, как им выгодно, не считаясь ни с кем.

Государство, это и Гэлбрэйт, будучи беспристрастным аналитиком, подметил как свершившийся факт ещё в 1970-е, теперь не “исполнительный комитет буржуазии”, как встарь, а приказчик “техноструктуры” – эвфемизм, которым он величает олигархию транснациональных компаний. Их “своенравие”, покушение на верховную власть государства – не вызов обществу, невозможно оговаривается экономист, а попросту “такая тенденция” в меняющемся мире.

“Праздник живота” для мародёров

Когда Джон Гэлбрэйт расставлял все эти точки над “i”, ещё не было на слуху “глобализации” как нового неумолимо наступающего мирового устройства. ТНК рассматривались им как экономический феномен постиндустриального общества, в котором свободная конкуренция и рынок Адама Смита замещены тем, что он округло называл “планирующей системой”. Тогда и невдомёк всем было, что наступит время, когда сильные и почтенные национальные государства и зажившиеся, состарившиеся, но благоденствующие нации Запада станут для ТНК обузой и разменной монетой. Философ Александр Зиновьев, зорко всмотревшись свежим взглядом “человека со стороны” в метаморфозу Запада, пошёл дальше. Он был жёстче Гэлбрэйта в своём анализе, раскрывая подноготную так называемой “цивилизаторской миссии” созидателей нового деспотического миропорядка. Запад на путях к “сверхобществу” зашёл далеко, но общество пока не осознаёт новой суровой реальности как свершившейся и необратимой. Зиновьев сбросил нарядные одежды глобализации и обнажил её плоть. Современное капиталистическое общество, с его точки зрения, есть “общество денежного тоталитаризма”.

Не секрет, что “сила злата”, которая позволяет вить верёвки из власти публичной, – “в символических капиталах”, нажитых на фондовой бирже, сумма которых в десятки раз превосходит обороты экономики реального сектора. И обращаются эти дутые капиталы в основном в Новом Свете. Эти триллионы, кочующие в поисках маржи по всему свету, – орудия власти над обществом, а не только капитал. Формула “товар–деньги–товар” осталась в прошлом. Деньги обходятся без связки с товаром. Сбылось предсказание Питирима Сорокина об увядании производства материальных ценностей при “старческом” капитализме. Более 50% американцев ещё в 1991 году убеди-

лись, что их жизненный стандарт падает. Западное “сверхобщество” погрязло в кризисе и застое. Бунты отчаявшихся афроамериканцев в трущобах Лос-Анджелеса и Сан-Франциско пришлось подавлять силой оружия. Нечаянно “выручили” Америку наши демократы-перестройщики. Дорвавшись до власти, они под спичем “шокотерапии” отдали на разграбление изобильную ресурсами советскую экономику. “Убийство” рубля и свободное вторжение доллара в Россию позволили Западу прибрать долларовой “метелкой” большую часть нашего национального достояния. Западу перепало, по некоторым оценкам, до полутора триллиона долларов: “изъята” половина рабочего капитала советской экономики. И даже через чёртову дюжину лет реформ этот “праздник живота” мародёров всё никак не завершится. А теперь к пиршественному столу подсели и западные ТНК, на первых порах гнушавшиеся угощать краденными промышленными активами.

XI. Лжецы и филантропы

...Это притязание частного интереса, убогая душа которого ни разу не была озарена государственной идеей.
К. Маркс. “Социология”

Однако вернёмся к устройству сверхвласти ТНК. Вот уж, подмечает Зиновьев, где и впрямь орудует “невидимая рука”. Кроме “символических капиталов” ТНК, дельцов – служителей золотого тельца, с известной их репутацией, есть ещё и “чистая публика” – так называемый Третий сектор нового “западнинского” общества. Это бесчисленные благотворительные фонды, “фабрики мысли”, ассоциации потребителей, секты и просто прихлебатели от маскультуры и интеллектуальная обслуга глобалистов. Вкупе они воплощают якобы “вольное” гражданское общество и его неподкупные институты. Перед ними напоказ заискивает большой бизнес Америки. Пособлюют и почтительно внимают федеральные власти, добивающиеся переизбрания сенаторы и губернаторы штатов. Третий сектор в Америке – огромное вместилище денег, сопоставимое с госбюджетом. Высокооплачиваемая бюрократия благотворительных фондов финансирует, пестует и лелеет пресловутую мультикультурную “салатницу”, прославленную Олвином Тоффлером.

Откуда деньжата? Крупные состояния, подпадавшие под драконовский конфискационный закон о наследовании крупных состояний, железной рукой проведённый Ф. Д. Рузвельтом, подвиг толстосумов, чтобы казне не досталось, завещать львиную часть наследства фондам – Рокфеллера, Форда, Карнеги... Этот финансовый ресурс находится в распоряжении доверенных людей в наблюдаемых советах. Фонды с их финансовым могуществом крепко взяли в оборот всё американское общество. Контркультура и альтернативные стили жизни, лобби сексуальных меньшинств и всякого рода “ниспровергатели” устаревших устоев кормятся от щедрот бюрократии фондов. Массмедиа и Третий сектор, играя в четыре руки, промыли мозги “молчаливому большинству”. “Медиа – диктаторская и вездесущая сила над умами” (А. Зиновьев). Какое же интеллектуальное и моральное “благо”, свет новой веры взамен утраченных высот духа американской культуры даровали они самой могущественной стране мира? По Бьюкенену – мрак и варварство. Но ещё за полвека до выхода из печати “Смерти Запада” Питирим Сорокин словно в воду глядел, так точен в провидении: “На смену великому христианству придет множество самых отвратительных небылиц, состряпанных из фрагментов науки, обрывков философии, настоянных на примитивной мешанине мистических верований и невежественных суеверий”.

“Боливар не вынесет двоих”

Разве это не вылитый сатирический портрет сайентологии – учения Хаббарда – религии “новых русских”, падких на дешёвку и всё магическое, пригодное для суетных “соображений эгоистической целесообразности”?

“Культурная революция” в Америке, каковы бы ни были её плоды, имеет “алиби” как “самотворящий” дух гражданского общества и свободы индивида. “Политкорректность” исклужает другие, сомневающиеся трактовки. Зиновьев

вьев, с его русской прямоотой: "...Формально не существует единого центра управления медиа, но фактически он функционирует так, как будто получает инструкции из некоего руководящего центра наподобие ЦК КПСС". Эта сверхцентрализация постоянно маскирует себя "плюрализмом", то есть множественностью мнений ячеек, инициатив и акций гражданского общества ("Врачи без границ" и проч.), бесчисленных и разнообразных организаций, учреждений и предприятий наднационального характера. Они не принадлежат никакой стране в отдельности, но представляют собой "надстройку над странами западного мира". Эта сытая публика состоит из беззаветных "правозащитников", сердобольных радетелей малых народов, гринписовцев в белых одеждах, чеченских "повстанцев", с дикой хищной радостью перерезающих горло православным и расстреливающих детей. Все они представляют собой некую корпорацию, тесно примкнувшую, как рыба-прилипала, к транснациональным корпорациям. Верхушка заправил глобальной экономики с их "священным Граалем" — Федеральная резервная система, фабрикующая "бумажное золото" — долларовые банкноты, находится в США. Но последние — лишь "главная резиденция" незримого "мирового правительства".

Казалось бы, после победоносного завершения "холодной войны" наконец-то для Бьюкенена и его единомышленников — консерваторов настало время торжества. Пробыл час Рах Америгана, но не тут-то было! Для сверхвласти ТНК США, как имперское национальное государство с его гигантскими накладными расходами, мессианским духом и... завидущими глазами гринго, стали своего рода обузой, помехой и конкурентом. Не делить ни с кем корпоративный "контрольный пакет" — у бизнеса в крови. Так возникла коллизия Каина и Авеля в самой сердцевине истеблишмента Америки, вообще западного мира. От возможного её исхода ("Боливар не вынесет двоих") Бьюкенен просто в отчаянии.

Президентов грех...

Какие "улики" оставили ТНК, чтобы заподозрить их в том, что они пойдут до конца в своём замысле "разжаловать" Соединённые Штаты? Они ведут дело к тому, чтобы неявно лишить сверхдержаву её единоличного права "первой руки" в устройстве мировых дел, сохранив за ней лишь роль "мирового жандарма". Сподобятся ли ТНК в таком случае дать острстку поползновениям возникающего на глазах нового американского большинства маргиналов, готовых расколоть нацию по этническим и расовым признакам, подвигнув "детей жертв" и "детей злодеев" поквитаться за обиды полуторавековой давности? И вообще, "закрыть Америку" как отечество белых англосаксов и других европейцев, предки которых срубили первые бревенчатые хижины в устье Гудзона и, через век, пробивались с мытарствами на воловьих упряжках через Скалистые горы, замерзая в снежных перевалах, чтобы вдохнуть сухой жар калифорнийской пустыни. А там они у берегов океана, как известно, встретили хлебосольных русских купцов из Великого Устюга, которые уже не одно десятилетие жили по-господски в форте Росс на месте будущего Сан-Франциско.

В предыдущих главах рассматривался социокультурный и идеологический пласт перерождения американской цивилизации, "матрица" которого та же, что и применённая в России. Но всегда есть не менее веские материальные, экономические причины для того, чтобы решиться пожертвовать оплотами веры и духа доброй половины нации, которая пребывает в счастье по неведению, что "эта страна" уж скоро не останется принадлежащей им по праву наследия. Говорят, спикер палаты представителей Конгресса США седовласый О'Нил как-то однажды в сердцах вымолвил: "Грех, что такой человек, как Рональд Рейган, занимает пост президента Соединённых Штатов". Спикер принадлежал соперничающей Демократической партии, он и вправду, наверное, полагал, что "Ронни" простоват для президента. А когда Рейган уходил в мир иной, его славили как "великого президента". Бьюкенен был его близким помощником и единомышленником. Он хвалит его теперь за твердость и ловкость, с какими он обошёлся с "империей зла" и её мещанином-генсеком, но числит и за Рейганом грех всех, без исключения, президентов после Никсона: уступки агрессивным меньшинствам и катастрофическую миграционную политику ради сколачивания разношерстных избирательных коалиций. По-

творствовал он и большому бизнесу, который и наводнил Америку иммигрантами. 400 высокотехнологичных американских компаний лоббировали смягчение законодательных ограничений на приток иммигрантов. Аграрное лобби тоже расстаралось: на плантациях гнут спины миллионы незаконных эмигрантов из Мексики. Половина прироста всей рабочей силы в США в 1990-е годы – за счёт иммигрантов! Дешёвая и бесправная рабсила – клад для работодателей. Насколько велик искус, можно судить и по нашей Москве. Prestижное дорогое жильё строят гастарбайтеры с Украины, а таджик или киргиз, которых нужда заставила, – тягловая сила. Социальный расизм у нас прижился на удивление скоро, как будто и не было советской уравниловки, охаянной демократами.

А на рынке труда в Америке уже до 12 миллионов нелегальных иммигрантов. Бьюкенен приводит веские доказательства, что могущественные ТНК проводят теневую политику, ведут дело к размыванию англосаксонского ядра нации как опоры и носителя её духа. Глашатай “глобальной экономики” Жак Аттали откровенно говорит, что тип “кочевника”, белого воротничка – космополита, работающего на ТНК в любой точке мира, куда его пошлют боссы, и лояльного лишь корпорации, – новый “герой нашего времени”.

Бухарин и капрал Водичка

Ежегодно американское правительство расходует более 100 миллиардов долларов, чтобы обустроить, прокормить и научить какому-то ремеслу иммигрантов, которые со всего света валом валят в “землю обетованную”. Эти обременительные безумные траты, по мнению Бьюкенена, на самом деле пролоббированы ТНК, для которых мультикультурная Америка является цивилизационным проектом, но не идейного, а прагматического и циничного свойства. В самом деле, Америка импортирует не только индийских программистов и русских математиков, но и миллионы полуграмотных, чуждых духу законопослушания и терпимости пришельцев, которые пополняют и без того неисчислимую армию маргиналов. Они с неизбежностью окунаются в “культуру” кокаина, воровства, разбоев и иждивенчества. Эта своя субкультура – “филиал” “третьего мира” на территории угнетателя, по сути демографическое возмездие Белой Америке. Мир людей, неустроенных и ищущих лучшей доли на чужбине, весьма плодovit. Ему неведомы радости бездетности... И не святым же духом они питаются? Между тем японцы, финны, тайваньцы и другие нации замкнутого склада держат двери своих стран на засове, мышь не проскользнёт, но почему-то в массмедиа не бранят их за ксенофобию. А такие, как Бьюкенен, слынут расистами и “проклятыми янки”, когда отказываются угождать “меньшинствам”. Николай Бухарин, этот яркий представитель русского революционного романтизма, умывшего кровью Россию, в 1920-е годы тоже пылко ратовал за то, что великороссы должны, дескать, искупить свою вину перед нацменьшинствами, “ужаться” и поставить себя в положение данников. Иосиф Виссарионович, который по духу был великоросс из великороссов, тогда сильно на него осерчал. Он, как никто, знал восточный менталитет и понимал, что подачками и покаяниями благодарности не дождаться. Это будет расценено как слабость и неминуемо приведёт к усилению вражды. Правота его дальновидной национальной политики выказала себя на фронтах и в тылу в годы Великой Отечественной. В перестройку бухаринский тезис был подозрительно быстро воскрешён, национальное самосознание демократами усиленно подогревалось, а уж коррумпированная часть номенклатуры и “теневики”, вдруг услышавшие “голос крови”, быстро довели дело до развала СССР и настоящей кровавой резни...

“Иной мадьяр не виноват в том, что он мадьяр”, – рассудительно говорил бравый солдат Швейк, а старый сапёр Водичка, забияка, имевший на мадьяров зуб, на дружка разгневался. Таков же, как у Водички, свидетельствует Бьюкенен, и способ мышления, и нравственный пошиб “обвинений” против коренных янки со стороны лидеров меньшинств в Америке, которым истеблишмент уж не знает, как угодить.

ХII. Вайоминг – “последнее убежище” янки?

“... Мы отказались от Джефферсоновской идеи естественной аристократии, добродетели и таланта, заменили её антиамериканской по сути идеей “этнического превосходства”, – с горечью замечает Бьюкенен. – Верховный суд развязал культурную войну против большинства американского народа”.

Члены Верховного суда издают вердикт за вердиктом, обязывающие практиковать мультикультурность во всех госучреждениях, университетах и везде, где только можно заподозрить “ущемление” какой-то культурной общности, какой бы она ни была, даже если там собрались одни богохульники. “Все культуры, верования и образы жизни равноценны и равноправны перед законом”. Казалось бы, что плохого? Но когда требуют и судебным вердиктом предписывают убрать из школьных классов распятия, дабы не оскорблять религиозные чувства тех, кто верует в другие культы и вовсе атеист, то невольно простой американец из глубинки чувствует себя в неволе, и Патрик Бьюкенен на его стороне всей душой. И здорово досталось от него в книге судейским и республиканцам-отступникам, которые потакают этой самой тирании мультикультурности. В самом деле, мультикультурность и терпимость, уважение к чужой вере и суеверию, казалось бы, сходны, но как волчья ягода, тающая отраву, похожа на рябину, так и “жупел мультикультурности” глумится над подлинными правами человека, подменяя понятия и выворачивая их наизнанку, как это заведено у лукавого во все времена. Происходит расщепление нравственного ядра человеческого общества, будь то англосаксы, правоверные или же магометане. Мультикультурность – это лоскутное одеяло, которым покрывают живую ткань жизни народов Бернса, Есенина, Саади. Эту цветущую сложность и сокровенность надо оберегать, а не обезличенный мир, раскрашенный этнографической какофонией мультикультурности, напоминающей хаос красок. Человек в таком мире превращается в неприкаемое существо глобального “человечника”.

Вот и памфлетист А. Баринов в “Совершенно секретно” уж как взъелся на единомышленников Патрика Бьюкенена, грудью вставших против законопроекта об амнистии 12 млн незаконных иммигрантов, прозвав их ксенофобами и чуть ли не мракобесами, под стать нашим, дескать, имперским домостроевцам и черносотенцам, которые тоже не рады гостям. “Рыбак рыбака” видит через океан. В Америке даже почтенный профессор Хантингтон нечаянно попал под раздачу. Имел неосторожность назвать вал эмиграции в Штаты из Третьего мира в числе “базовых угроз коренной англопротестантской культуре Америки”. Автор почти официальный мифа о “столкновении цивилизаций” тут же был уличён в раздувании истерии и даже почему-то презрении к американской элите. Идеологической проработке подверг уклониста Хантингтона неокон Алан Вулф на страницах издания истеблишмента “Форин афферс”. Чтобы дать понять, как низко “пал” Хантингтон, он прозвал его книгу “Кто мы?” – очередным опусом Патрика Бьюкенена, только с подстрочными примечаниями.

“Спрос на вышколенные умы”

Фермерские буколки, “домотканую” простоту первозданного духа Америки можно ещё застать сегодня где-нибудь в горной глуши Вайоминга, у снеговых вершин Скалистых гор, где в городках деревянные тротуары, как где-нибудь в Колпашево на Верхней Оби, конювязь у крыльца местного салуна для пущей туристической экзотики, свежий румянец на лицах местных Мэри в ковбойских сапожках... Обитатели этих всё ещё не бедных захолустий, где позакрывались, по свидетельству автора “Смерти Запада”, последние лесопилки, – это как раз те, кто голосовал на президентских выборах за независимого откольника республиканской партии Пата Бьюкенена. В городке Уиртон, Западная Вирджиния, местная газета вышла с заголовком на первой полосе “Куда нам податься?”. Новость касается банкротства сталелитейного завода, прежде дававшего работу 14 тысячам человек в городке, где всего 23 тысячи жителей, возмущается Бьюкенен. Так обстоит дело с “творческим разрушением”. Бьюкенен далее свидетельствует: с 1994 года Америка потеряла 689 тысяч рабочих мест в текстильной и швейной промышленности. Эти места философы с “фабрик мысли” сочили “тупиковыми”. А “высвобожденные”

теперь подвизаются в хвалёной экономике услуг – например, в оптовой торговле, где заработки на 59% меньше, чем платили им на фабрике текстиля. “Глобалисты и корпоратисты организовали заговор по уничтожению американской промышленной базы; их поддерживают идеологи свободной торговли, не понимающие, что теории, преподающиеся в колледжах профессорами экономики, убивают страну, которую они поклялись защищать”, – отвечает звонкие пощёчины “христородавцам” Бьюкенен. На протяжении жизни одного поколения дом, возведённый Гамильтоном, рухнул. Быть может, они этого и не понимают, но “им всё равно”.

Доллар потихоньку обесценивается, Америка живёт в долг, а казначейские обязательства США обеспечиваются продукцией печатного станка. Мировая долларовая система – это и пирамида, и казино вместе. Экономисты высчитали, что рост американского ВВП давно с минусом: если вычест погашение астрономических долгов из общественного продукта, то выявляется лукавство официальной статистики. За три расчётных года официальный общественный продукт Америки вырос на 14%, а сумма погашенных долгов – на 34%. А если доллар рухнет, или, что вероятнее, произойдёт его резкая девальвация? “Этого не может быть, потому что этого не может быть никогда”. Такой просвещённый взгляд на вещи у всех наших либеральных экономистов, творцов дефолта 1998 года и всех злоключений с рублём, которые он претерпел со дня светопреставления января 1992 года. Если доллар обесценится, то ведь исчезнут и гигантские неоплатные долги Америки? Экономисты всё чаще рассматривают эту последнюю проделку с долларом как вероятную. Рубль между тем как ни в чём ни бывало привязан к доллару, хотя само слово “доллар” думские “медведи” подвергли табу, как в диких племенах стражайше запрещено произносить имя медведя – тотемного животного, а казначей с Неглиной бестрепетно держит уже сотни миллиардов нефтедолларов в американских казначейских бумагах. “Надо честно признать, что безболезненного выхода из кризиса (финансового) нет и не предвидится”, – утешительное известие от Бьюкенена для России, где доллар жалуют и банкиры, и домохозяйки. Среди всех нелепостей экономической политики реформаторов это самая что ни на есть большая нелепость.

ХIII. Коварство жёлтого дракона” и “кулябкины мудрости”

“Современное западное общество... есть общество денежного тоталитаризма... Он стал явлением надэкономическим и надполитическим, а не просто явлением в рамках экономики как таковой”.

Александр Зиновьев. “Запад”

“Приносить жертвы не своим демонам – это лезть”, – старинная конфуцианская метафора. В самом деле, казалось бы, Китай кредитует дядю Сэма себе в убыток. Проценты по долгу растут в разы меньше скорости инфляции. Сторонние экономисты говорят, что впору говорить о “безвозмездном” дотировании Китаем дефицита федерального бюджета США. Федеральная резервная система тоже извлекла выгоды из притока “дешевых долларов” из Азии. Эта подпитка позволила держать в 2000–2005 годах низкую учётную ставку ФРС, чтоб вдохнуть жизнь в выдохшуюся, теряющую конкурентоспособность американскую экономику. Обыватель американский не нарадуется. Китайские качественные товары дешёвы и потребительский бум нескончаем. КНР и Япония – два незаменимых донора сверхдержавы, которая расточает свои ресурсы на военные авантюры и гонку вооружений. Тогда как “конфуцианские” экономики наращивают экономическую и торговую экспансию в мире. Новое поколение американцев, в отличие от бережливых отцов, не откладывает на “чёрный день”, а залезло по уши в долги потребительских кредитов банков, а наиболее отчаянные вовлеклись в спекуляции на рынке акций, на котором навариваются и “испаряются” триллионы фиктивных капиталов.

Почему же всё ещё относительно небогатый Китай так “самоотверженно” кредитует богатую Америку и поддерживает слабеющий доллар? “Небольшое нетерпение может помешать великим замыслам”, – наставлял Конфуций. Амбиции Поднебной известны, как и то, что китайская официальная статисти-

ка все эти годы неслыханного экономического бума занижала реальные объёмы ВВП страны. По некоторым независимым оценкам, он вот-вот сравняется с американским, если судить по паритету покупательной способности юаня и доллара. Аналитики отмечают, что, став незаменимым финансовым донором США, Китай не только понудил американскую администрацию смириться с неслыханным, скандальным дефицитом во взаимном товарообороте, но и исподволь, раз за разом, добивается новых уступок и поблажек. Америка не препятствует теперь экономической экспансии Китая в третьи страны и даже скупке китайскими госкомпаниями активов на Западном побережье США. В Орегоне деловая жизнь, считай, наполовину контролируется из Гонконга и Шанхая...

Почему бы и России не перенять повадку “жёлтого дракона”? Ведь из-за золотого дождя нефтедолларов, который нечаянно пролился на Россию, чудесным образом превратив безнадежного должника Запада в четвертого, после Японии, Китая и Тайваня, кредитора Америки, в пору не выглядывать уже из-за плеча дяди Сэма. В резервах российского Центробанка сотни миллиардов долларовых активов. По отношению к скромному объёму российского ВВП это самый большой объём золотовалютных резервов мировой экономики. Да ещё у путинского начфина Кудрина, у которого зимой снега не выпрошишь, накоплено 1,8 триллиона рублей – заначка государства от шальных нефтедолларовых поступлений, изъятая из экономического оборота. Эти “излишки” всё равно что реквизиция семенного зерна в крестьянских хозяйствах во время продрозвёрсток в голодные неурожайные годы. Подсчитано, что уже более 20 млрд долларов “усушки” дали эти “надёжные” вложения и санации долларового половодья. Инвестиции в американские низкодоходные казённые бумаги и “маринование” накоплений в Стабфонде туземные “монетаристы” гордо называют “ответственной” финансовой политикой. Словно в насмешку. Это, что ни говори, новое слово в финансовой науке, потому что доселе считалось, что если инфляция съела часть накоплений, то ровно столько же выгоды получил кто-то другой. А по сути беспроцентный кредит – это дань, подношение, подать, “кулябкины мудрости”, по Салтыкову-Щедрину, то есть растрата казённых денег впустую. Это та самая бережливость, которая ведёт к “захудалости” – по конфуцианской заповеди.

“Вопрос ребром – почему путинское “одолжайтесь” американскому истеблишменту не только не встретило ответного воздаяния, но и обернулось чем-то вовсе противоположным, о чём известная присказка говорит: “Нашим же салом!..” Не в пример “рыночной и демократической” до невероятия Украине, для России осталась в силе анекдотическая дискриминационная поправка Джексона-Вэника.

Участь России-должницы и России-кредитора – суть одна и та же. Иное дело – строптивый Китай. Поднебесная экспортирует в Америку лишь добавленную стоимость – товарную массу, одну десятую всего своего ВВП, которую нельзя уже никак изъять из американского совокупного спроса. Так обе экономики “повязаны” накрепко. Ни та, ни другая сторона не могут покушаться на статус-кво. Как бы ни было велико идеологическое и геополитическое ожесточение сторон. Последнее слово, как ни крути, остаётся за страной-кредитором.

“Мы занимаем свыше 1 триллиона долларов на финансирование... нашего государства “войны и социального обеспечения”. И нашего “неудержимого потребления”, – пеняет своим соотечественникам и беспечной, беспринципной элите Патрик Бьюкенен.

“Нельзя управлять империей при слабеющей валюте, – взывает к рассудку Бьюкенен. – Не верите, спросите британцев...” Упомянул он и о такой грозной опасности (“алармизм” чистой воды): если иностранные банки, владеющие гособлигациями США на сумму 1 трлн долларов, начнут от них избавляться, это ввергнет экономику в хаос. Правда, “серьёзные” экономисты заведомо исключают такой апокалиптический сценарий крушения доллара. И в самом деле, мне, практику корпоративных финансов, такой исход дела представляется маловероятным.

Но вернёмся к “молчанию ягнат” с Ильинки. Почему, выбившись в четвёрку самых крупных кредиторов Америки, российские денежные власти получают, не по чину, одни “отлупы”? Всё просто. Нет экономической “пуповины” между США и Россией. Взаимный товарооборот в сопоставлении с американско-

китайским ничтожен. Если американский капитал течёт в Поднебесную рекой, то в Россию — одни портфельные инвестиции, да ещё с американской скарденностью при торгах. В России нет таких американских активов и капиталов, как в КНР, за сохранность которых дядя Сэм переживал бы, не спал в тревоге по ночам: транснациональные корпорации не зарабатывают десятки миллиардов долларов прибыли в России и не создают миллионы рабочих мест. Им нет заботы лоббировать интересы российского экспорта в ВТО. Никто из единоверцев либеральной экономики не радеет о допуске России на мифические “свободные рынки”. Россия — и впрямь “лишняя страна”. Так уж умудрились поставить себя российские либеральные власти, что их в Новом Свете третируют, а руководителей китайской Компартии привечают, и им неважно, какой масти китайский тигр, которому палец в рот не клади. А те сотни миллиардов долларов, что Россия добродушно одолжила дяде Сэму, не стоят и благодарности, как если это был бы куш, случайно сорванный в казино.

XIV. “Великая раскачка”: пошло-поехало!

...Среди современных альянсов нет ни одного, который не исходил бы из убеждения, что за ним числятся все права и ни единой обязанности.

*Хосе Ортега-и-Гассет.
“Восстание масс”*

“...Калифорния станет мексиканским штатом, — посулил некто Марио Обьедо. — Мы займём все органы власти. Если кому-то не нравится, пусть уезжает”. Кто такой этот Обьедо, которому по букве американского закона недолго вчинить и “подстрекательство к мятежу”? Он — президент Лиги единения латиноамериканцев. Президент Клинтон вручил ему за заслуги “Медаль Свободы”.

“Ацтлане” и “будетляне”

Ещё один “будетлянин”, то бишь посланец будущего, экс-губернатор Калифорнии Грэй Дэвис не упустил в своё время случая заверить избирателей-латинос: “В ближайшем будущем люди будут воспринимать Калифорнию и Мексику как единую солнечную территорию”. Ей уже придумали название — Ацтлан. “Движение за Ацтлан” — мирное, но с явным вызовом провозглашает своей целью возвращение “земли отцов”. Закавыка в том, что “золотой” штат Калифорния, “кузница президентов”, с валовым продуктом, превышающим российский втрое, — некогда силком отторгнутая от Мексики территория. Предприимчивые “гринго” за эти два столетия превратили раскалённую сквородку калифорнийской пустыни в земной рай и постиндустриальное чудо. Лос-Анджелес соперничает в великолепии и богатстве с Нью-Йорком. И вот теперь вся эта благодать, оказывается, должна отойти к некоему мифическому “Ацтлану”.

“Мы — ацтлане!” — провозглашено в манифесте калифорнийских испаноязычных сепаратистов. — “Всё для нашей расы и ничего — для чужих”. “Конечно, всё это смахивает на горячечные разговоры за пивом в кантине”, — подмечает Бьюкенен, но ему вовсе не до шуток. Тихое “вторжение” в Калифорнию и подготовку этнической “аннексии” направляют без лишней шумихи власти Мексики. Пока через НАФТА американские ТНК создают свои инвестиционные анклавные территории Мексики и разоряют местную промышленность, миллионы обездоленных чиканос пересекают нелегально границу и “колонизируют” весь американский Юго-Запад — “земли отцов”. А это и есть всамделишная глобализация, без прикрас, без оглядки на интересы американской имперской нации, почтения к её традициям и целостности. Калифорния этнически дрейфует к Мексике. И весь этот сыр-бор живо напоминает раскрутку внешними силами идеи “Великой Албании”. Англосаксонское большинство штата в замешательстве. Такова подноготная “балканизации” Америки по Бьюкенену. Рано или поздно этнический раскол и “мультикультурные” распри и трения в Калифорнии грозят обернуться рукопашной на улицах, как

это было в Приштине. Найдётся какой-нибудь местный Ругова в сомбреро и затеет создавать “параллельную”, через интернет, “ацтлановскую” власть.

Самые сумасбродные и полоумные прожекты крайних националистов имеют свойство воплощаться в быль и кромсать тело нации по живому. Особенно когда в крушении статус-кво заинтересована третья сторона. В мексиканской общине, второй по численности в Калифорнии, идею “Ацтлана” лелеют не только “повреждённые” националисты, но и влиятельные предприниматели, и многие законодатели штата. Даже мексиканский консул, не гнушаясь, говорит о новой “Реконкисте”.

Сепаратизм всегда норовит повернуть время вспять. Гамсахурдия воскресил фантомную конституцию Грузии 1918 года. Саакашвили, сидя на пепелище, вообразил себя вторым Георгием Саакадзе в доспехах и владыкой “всего” Картли. От калифорнийских графств до якутских улусов, куда ни глянь, националисты, дорвавшись до власти, стремятся держать свои народы взаперти и в распрях с соседями. Зато из кожи вон лезут, чтобы прошмыгнуть в ВТО или хотя бы забраться на запятки транснациональным компаниям.

И впрямь Калифорния с Голливудом, Силиконовой долиной и штаб-квартирой “Бэнк оф Америка” не в таком уж отдалённом будущем – отрезанный ломоть? Станет ли Золотой штат, вотчина американского ВПК, подобием сепаратистского франкоязычного Квебека? Здравницу “За французский Квебек!” некогда провозгласил побывавший с визитом в городе президент Шарль де Голль. Тогда это приняли за эскападу, бестактность, издержки задиристого галльского духа. Но прошли годы, и дело у квебекских националистов заладилась не на шутку. Квебек только чудом не стал опавшим кленовым листом на полотнище канадского национального флага.

Холера сепаратизма, никогда не выведившаяся в культурном и политическом пространстве “старушки Европы”, похоже, даёт о себе знать и в Новом Свете. Этническая нетерпимость и обособленность нарастают. Бьюкенен прямо связывает силу этого поветрия с девятым валом миграции с Юга. И если политический истеблишмент Америки ума не приложит, на какой ещё козе подъехать к радикальным организациям этнических меньшинств, Бьюкенен, напротив, настроен “твердокаменно”: делая одну малодушную уступку за другой, американская власть, дескать, лишь углубляет и ожесточает раскол. Потачками ничего не добиться.

У американских радикалов на устах, через слово, гражданские права и толерантность, а с изнанки – дух нетерпимости и мятежа. Этнические сообщества чиканос, индейцев, китайцев становятся всё более замкнутыми. Если вновь прибывшие попросту держатся “своих”, чтобы приладиться к новой жизни, то вожди, хорошо осмотревшись и почуяв поддавки, явно держат камень за пазухой.

На знамёнах афроамериканцев, чиканос, индейцев-аборигенов – “идея отмщения и возмездия”. Пробил, дескать, час, когда потомки хлопковых плантаторов должны возместить моральный ущерб потомству в седьмом колёне невольников-рабов, привезённых из Африки. И уже наняты стряпчие, лиха беда начало, вчинить многомиллиардные иски к государству о “реституциях”. Отступное от белой Америки – дело наживное. А пока практикуется моральный остракизм. В список запрещённых книг для школ угодил и знаменитый роман Харпер Ли “Убить пересмешника”, в котором заподозрили олицетворение расизма. В одну компанию уличённых в расизме попали романист Уильям Фолкнер и даже радикальный африканский писатель и публицист Джеймс Болдуин. В их писаниях якобы встречаются расовые эпитеты, и неважно, в каком контексте. Эти придирки “городового к нищему” мало кто посмеет оспорить или высмеять. Не те времена. “Все движения цветных сегодня окрашены расовой мистикой”, – пронцательно подмечал Джордж Оруэлл, знаток антиутопий. И республиканцы, и демократы, по мнению Бьюкенена, играют на огнём, поставив этнические противоречия в самую серёдку своей предвыборной стратегии. На выборах президента в 2000 году пять из семи крупнейших штатов с наибольшим количеством избирателей-иммигрантов принесли победу демократу Гору, а Флорида принесла ничью. Тогда как Джордж Буш-младший победил во всех 10 штатах американской глубинки с коренным белым населением. В минувшей схватке Буш–Керри линия раскола тоже опасно проходила по этнической меже. Бьюкенен попрекает боссов республиканской партии в попустительской и безответственной политике в отношении меньшинств. Именно бла-

годаря “гибкой” иммиграционной политике, которую на свою беду республиканцы проводили с 1970-х годов, “партия слона” рискует неминуемо превратиться в “партию меньшинства” – евроамериканцев. Джон Стюарт Милль не так уж и ошибался, называя тори “партией глупцов”.

Неспроста говорят, что алчность и глупость – родные сёстры. Чем же приглянулась большому бизнесу Америки идея “мультикультурной салатницы”? Дешевизной! В США минимальная почасовая ставка оплаты труда одна из самых высоких в мире. Между тем, по данным Министерства труда, половина потерь реальной заработной платы среди низкооплачиваемых приходится как раз на иммигрантов. Массовая миграция из стран “третьего мира” весьма накладна для государства, но выгодна большому бизнесу. Миллионы рабочих рук за грошовую плату – искус сильнее, чем оглядка на национальную безопасность.

Когда речь идёт об открытии границы, корпоративные и национальные интересы “...вступают в резкое противоречие друг с другом”, – предостерегает соотечественников Патрик Бьюкенен. И всё-таки есть некая сермяжная разгадка тому, почему транснациональные компании во всеоружии частных аналитических служб и сильных разведок в упор не видят опасности этнического отчуждения и мультикультурного раскола единой американской нации. Не только “подслеповаты”, но даже льют воду на эту “мельницу”. Поверим на слово Струбу Тэлботу: нации, в их классическом и высоком смысле, возникшие с буржуазной революцией на Западе, для глобалистов есть что-то отживающее свой век.

Бизнес-план глобализации не предусматривает затрат на евангельскую десятину. Экономическая выгода ТНК исходит из того, что “западоидов” в их родных пенатах потеснят “орды чужаков” из “третьего мира”, без которых Запад обезлюдует. Некому будет создавать прибавочную стоимость и делать черную поденную работу. К 2050 году треть нынешних европейцев будет старше 60 лет. Население Германии сократится на треть. В США рождаемость тоже на плачевно низком уровне. Хваленая и в самом деле богатая пенсионная система трещит из-за этого по всем швам. По прогнозам, правительства большинства развитых стран будут вынуждены тратить ежегодно от 9 до 16 процентов ВВП на обеспечение старости своих граждан. Это приведёт к увеличению налогообложения от 25 до “немыслимых” 40 процентов с каждой заработной платы. Бьюкенен называет такую перспективу “финансовым эквивалентом ядерной зимы”. Вот и наступила расплата за “культурную революцию”, которая “упразднила” святость семьи, величие материнства и неприкосновенность семейных ценностей. Угодный ТНК тип личности “кочевника”, счастливого манкурта, обитающего в гиперпространстве, духовно оскоплен. Не очень-то он будет и печалиться об угасании национальных очагов и пришествии “варваров”.

Первым намеренно открыло калитку на острова для бывших “туземцев” из стран Британского Содружества правительство её Величества. Это решение отнюдь не было принято на референдуме. Оглянуться не успели, как в Лондоне появились целые кварталы, населённые выходцами из Азии и африканцами, а в мечетях яблоку негде упасть. “Иммиграционный взрыв”, как по-писанному, совпал с пиком депопуляции в странах Запада. “Незападоиды” призваны были восполнить убыль трудоспособного населения. Но хладнокровные расчёты “фабрик мысли”, работающих на ТНК и проектирующих сценарии будущего, и действия чутких к их советам правительств оказались “полностью иллюзорными”, считает Александр Зиновьев. “Незападоиды” могут, в известной степени, имитировать “западоидов”, но на поверку не способны в них перевоплотиться таким образом, чтобы исчез цивилизационный порог. Зато обратное влияние менталитета и образа жизни пришельцев из “третьего мира” на культурный облик молодых британцев и американцев очень даже заразительно и бросается в глаза. Однако идеология и пропаганда Запада держатся за иллюзию “салатницы”, а жесткая узда “политкорректности” не даёт людям осознать, что в самом деле происходит. Потому-то Бьюкенен и не исключает совершенно невероятную, на первый взгляд, перспективу сползания Америки в “третий мир”. Если... если угли в “тигле Господа” совсем остынут и превратятся в золу и пепел.

...Здесь бы я хотел сделать отступление для того, чтобы мысленно вернуться в доперестроечную реальность, поразмыслить над некоторыми образа-

ми, наблюдениями и догадками, которые на чисто житейском, эмпирическом уровне помогут, возможно, собраться с мыслями, которые покажутся спорными. Я утверждаю, что Советский Союз и Соединённые Штаты вплоть до 1980-х годов имели одно несравненное качество своего бытия, которому остальной мир мог позавидовать. Я говорю об этническом и культурном богатстве, к которому более всего подходит определение “цветущей сложности”. Иногда верное ощущение действительной природы вещей даёт не книжное знание, а непосредственно то, что перед глазами, воспринимается чувствами и сердцем. Это – образ прошлой, канувшей в Лету жизни, который в Новом и Старом Свете так и стоит перед глазами. Вы проезжаете окраины Санта-Фе, штат Нью-Мехико, и вам чудится, что вы в Андалусии, в Гранаде. Мавританский стиль жилищ среднего класса, родео, испанская речь... В советском Самарканде 1970-х годов местная славная русская семья, старшее поколение – выходцы из Сибири, а поглядишь – уклад жизни и этикет отношений наполюсней местный, восточный, как принято в соседской благонравной общине – махалле... В Колумбусе, штат Огайо, в итальянском культурном центре – “маленький Неаполь”, кьянти и настоящая пицца по-сицилийски, в trattoria весёлый разговор взрослых за картишками, детские проказы. Здесь же губернатор штата Ричард Селест, урождённый Селестино... В Одессе идёшь на Привоз, словно в театр, и с кем ни заговоришь – заслушаешься – а национальностью здесь у всех одна – “одесситы”. В Орегоне в русской старообрядческой деревне Новый Вифлеем молодые девки с косами по пояс, в сарафанах до пят, а выражение на лицах такое, словно на дворе XVIII век, и бородатые мужики в рубашках в синюю клеточку, будто купленных в сельмаге. За столом блины и красная аляскинская икра домашнего посола. Иные, строгие в вере, вифлеемцы наотрез отказываются обзавестись пластиковыми кредитными картами, потому что в банковском коде – “число зверя”. Коренных орегонцев они кличут “американцами”, словно они индейцы, но дружат и делают с ними бизнес, выращивая в поле ежевику и малину. Вспоминаю набережную в Сухуми и персонажей Фазиля Искандера, которых видишь прямо рядом с собой за столиком в турецкой кофейне, говорящих с одинаковым акцентом русских, мингрелов, греков и абхазов, весельчаков и горячих спорщиков. **Если и было что-то такое в советском общежитии, что увы, уже никогда не повторится, так это, действительно, сосуществование и взаимное обогащение разнородных культур и духовных миров – то, что сейчас называют евразийством.** Дух захватывает перед тем, как устроилось, не по догматическим псевдомарксистским лекалам о “слиянии наций”, это имперское сообщество самобытных народов – русских, тюрков, таджиков, евреев, угро-финнов... Сегодня либерализм зло клеймит национальное, исконное, великорусское – этноцентризмом. И это тоже заёмная и лживая идеологема, свояченица американской мультикультурности, которая на самом деле есть средство расщепления духовного ядра каждой нации. Транснациональные компании, благословив и оплатив поход против “этноцентризма”, пойдут и дальше, пока не подвигнут всех и вся унификации. Как если бы мы все вдруг заговорили на эсперанто.

А мы в Советском Союзе до перестройки ведь и горя не знали с национальным вопросом в нынешнем его проявлении и остроте. И Америка вплоть до выстрелов в Далласе тоже была страной не расколотой.

Каждая из двух наших имперских наций сложилась по-своему. Но этническая и расовая пестрота и культурная многоукладность не мешала нам ладить и жить общим домом что в Калифорнии, что в казачьем Семиречье Казахстана. Этническое и культурное разнообразие и переплетение только общало больше полноты и радости местному образу жизни. Это – свойство имперских наций, и до той поры они слитны и велики, пока воодушевлены, добиваются высокого, вместе во что-то сильно веруют. В коммунизм ли или в Американскую мечту – неважно. Думаю, что если бы удалось сбересть это духовное достояние, дружбу всех народов и языков, судьба и будущность обеих сверхдержав была бы иной. Демоны раздора и тяжбы пробудились с наступлением кризиса, в который державы-соперницы втянулись почти одновременно. Кризис, как напомнил нам митрополит Кирилл, по-гречески – Суд. Стало быть, Судный день. Много накапливается прямых и косвенных доказательств, что “матрица”, которая разрушила равновесное духовное состояние двух великих наций, по-своему универсальна и запрограммирована. И ничего не спишешь на неисповедимость путей Господних. Нет Советского Союза,

а Воронья Слободка под названием СНГ только и годна на то, чтобы окончательно рассорить наши народы, а спасаться-пропадать нам порознь.

Соединённые Штаты тоже по-своему несчастливы: нация идёт вразнос, словно некая злая сила её искушает отречься от своего духовного наследия, святости семьи, материнского и отцовского долга, Христовых заповедей ради мирских и плотских радостей. В самом деле, центробежные силы, “Большая раскачка”, как сбывшееся мечтание персонажа “Бесов” Петра Верховенского, сотрясают возгордившуюся, но уязвимую изнутри Америку.

Мы свидетели и участники двух перемежающихся драм. В 1918 году в Вологде послы Антанты тайно совещались, как Западу поделить наследие погибшей Российской империи, охваченной большевистской революцией... Потом была высадка союзников в Архангельске, Одессе и Владивостоке. Тогда дело не выгорело, интервентам пришлось срочно сматывать удочки. Теперь Запад делает новый заход, уже под флагом не Антанты, а глобализации и “воссоединения” России с Западом. Два исторических и геополитических сюжета наложились один на другой: Запад против России, по плану Бжезинского, и схватка между Западом и пост-Западом, по Бьюкенену. У персонажа “Бесов” Шигалева имелся прожект разделения человечества на две неравные части. “Одна десятая часть получает свободу личности и безграничное право над остальными девятыми десятыми...” Онтологическая ссылка на “Бесов” — признак того, что весь сверхпроект “золотого миллиарда” — от лукавого.

Пьер Кассель в статье “Париж в огне”: “Белая Франция в шоке и растерянности. Десятилетиями приучали к политкорректности...” Политики и футурологи говорили о том, что всего через одно-два поколения Франция столкнется с острейшим этническим кризисом... Мало кто слушал эти предостережения. Наоборот, открытые границы создавали иллюзию сохранения великой Франции — от Новой Каледонии и Гвианы до Алжира и Сирии. Власти, дескать, не замечали очевидного: наплыв мигрантов вышел из-под контроля. Французов утешали, что эмиграция благо, она выручает экономику. Дешевая рабочая сила и спихивание чёрной работы на мигрантов — дескать, выгодно всем — и работодателям, и обывателям. Если миграция удешевляет стоимость товаров и услуг, почему бы и нет? Эти меркантильные задумки и “гуманная риторика” обернулись девятым валом эмиграции. Пришельцы не ассимилировались, они основывали свои гетто по окраинам. Замкнутые и враждебные. Окраины Марселя неотличимы от Рабата (Марокко). Подвох получился и с “дешевизной”. Многие семьи мигрантов, а таких миллионы, получили статус безработных, имеют до 2000 евро пособия на семью, но главное, пишет Кассель, произошло коренное изменение природы эмиграции. Из экономической она превратилась в социальную. Отчуждение, враждебность, замкнутость... Правы оказались не технократы, а Освальд Шпенглер, утверждавший что несовместимость, чуждость цивилизаций — сила более неодолимая, чем взаимное проникновение. “Коктейль Молотова” был ответом пришлых тем, кто их звал и “обездолит”, то есть не дал больше, чем позволяют их образование и квалификация.

Непохоже, чтобы российские власти извлекли урок из парижских пожаров. Они, боясь быть осужденными либералами, не могут позволить себе сделать простой и ясный вывод — **не права человека, а интересы общества должны быть во главе иммиграционной политики**. Зазывание даровой рабочей силы с Юга — не только постсоветского, — это корысть работодателей и, прежде всего, строительных магнатов и мелких предпринимателей. Социальные последствия и “посев” этнических конфликтов будущего их не беспокоят. Моральный ущерб терпят обе стороны — и бесправные эмигранты, и общество.

Западная Европа знала, на что шла, когда открывала двери эмиграции. Что посеяли, то и пожали. Наши либералы бездумно выступали одно время за этническую миграцию в Россию чуть ли не со всего мира. В 90-е годы никто из них не ратовал за возвращение гонимых русскоязычных в отечество. Сейчас они прикусили языки, но исподволь всё подводится к тому, что без этнической миграции нам не свести трудовые балансы 2010–2020 годов, экономический рост застопорится. Либералов несколько не волнует то, что русские вымирают и что этническое “замещение” выгодно транснациональным компаниям... Зато они изобрели жупел “этноцентризма”. Им, мировым менялам и нашим компрдорам, Великобритания ни к чему!

XV. Куда русским столько сокровищ?

...Интересно, а каков взгляд Бьюкенена, причастного к миру большой американской политики, одного из креативных идеологов нескольких республиканских администраций, на положение России сегодня и её будущее в XXI веке?

Ревность к китайскому дракону

“Ни одно европейское государство не находится в таком катастрофическом положении, как Россия”, — высказывает Бьюкенен очевидное. Некий мистер Чими по его, Бьюкенена, просьбе сделал прогноз для России: при сохранении нынешнего уровня рождаемости и нулевой миграции “в 2100 году русских будет менее 80 млн человек”. Думаю, что это очень оптимистичный прогноз. “...Мы столкнёмся с прямой угрозой существованию нации” (Президент В. В. Путин). Далее Бьюкенен делает несколько загадочное предположение, что “геостратегические последствия жизненного кризиса в России могут стать камнем преткновения для Америки”. Что это за преткновение, автор впрямую не раскрывает, но понятно, к чему он клонит. У него, похоже, серьёзные претензии к Ивану Грозному, Ермаку, Семёну Дежнёву и Витусу Берингу: “...Горстка русских занимает северную половину крупнейшего континента Земли, по площади превосходящую Соединённые Штаты, изобилующую полезными ископаемыми, нефтью, золотом”. И куда этим великороссам такая прорва сокровищ! Речь-то идёт о невосполнимых ресурсах углеводородов и редких металлов, без которых экономике “золотого миллиарда” не прожить. По многим видам стратегического сырья исчерпание близко и счёт идёт на годы, а не столетия. Поэтому взгляды “глобалистов” и Бьюкенена на Россию как сырьевую колонию совпадают. Ему досадно, что лишь до Чукотки рукой подать от штата Аляска, а самые заповедные “кущи” — Сибирь и Дальний Восток с Китаем граничат. “К югу от них проживают 1,25 млрд китайцев. Поднебесная издавна рассматривала Сибирь как свою утраченную территорию”. Набравший силу Китай, дескать, ещё предъявит, по словам Мао, “счёт по этому реестру”. Бьюкенена перспектива “желтой” экспансии на Север очень беспокоит, но только как прыть конкурента, который может наложить лапу на ресурсы Сибири и плодородные земли к юго-востоку от Байкала. Старая закваска антикоммуниста сказывается, когда Бьюкенен порицает новую демократическую Россию даже за робкие поползновения двинуться на юг, “присоединяя к себе бывшие советские республики Средней Азии и Казахстан”. Тамощные народы якобы испытывают “ненависть” к бывлой российской колонизации и принудительной “коммунизации”. Что ненавистью пышут на самом деле лишь новоявленные националистические элиты, а не народы, Бьюкенен, по странности, плохо осведомлён.

“Фермерская простота”

Уровень рождаемости в России опустился до 1,17 — ниже, чем в Италии. Бьюкенен не вдаётся в суть дела: причины депопуляции на Западе и в России имеют разную природу, попросту говоря — пресыщение и нищету. Далее, со ссылкой на некоего социолога МГУ, он, каким-то вывертом, напорочил, что если и дальше так пойдёт, то “...какие-нибудь экстремисты попытаются захватить власть во имя выживания русского народа”. Парадоксальное мышление даже у весьма неглупого политика. Уж лучше пусть погибнет Россия, нежели к руководству придут люди, способные спасти её, но не отвечающие “демократическим” стандартам. Себя Бьюкенен отнюдь не причисляет к экстремистам, хотя и прямо говорит, что с культурной “контрреволюцией”, которая “намеренно уничтожает нашу страну (США. — В. П.), какой мы её знали”, невозможно достичь мира. “Патриотизм или глобализм” — именно здесь пролегает линия фронта в новом столетии. “Либо национальный суверенитет, либо уничтожение наций и государства” — чёрным по белому написано на 380-й странице “Смерти Запада”.

Для всех стран выбор одинаков, убеждённо заключает Бьюкенен, но, похоже, Россия для него особый случай. Ей он предлагает смириться и забыть

о великодержавии. И, разумеется, воспринимать Америку как “естественного союзника” в сохранении государственной целостности и независимости. А в надвигающемся “столкновении цивилизаций” русским, дескать, и деваться больше некуда, как встроиться в “переднюю линию обороны Запада”. Строгий наказ, неясно только, какого рожна великороссам проливать кровь за интересы янки, задираться с воинствующим исламским миром да ещё сдуру вообразить, что Америка печётся об их независимости. Доводов Бьюкенен никаких не приводит, просто у всех янки такая уж манера понукать, пока их “фермерской простоте”, что хуже воровства, не дадут от ворот поворот!

Всё-таки будет более справедливо сказать, что к России у Бьюкенена есть интерес, но какой-то рассеянный. Зато иногда “проклёвываются” старые антикоммунистические фобии. Например, для него очевидно, что поколение бэби-бумеров, дразнящее своих родителей – представителей среднего класса – “потенциальные фашисты”, следует линии Коммунистической партии СССР, сформулированной в Москве в 1943 (!) году. Впрочем, это не более чем суесловие... Гораздо больше интриги и смысла содержит другая мысль Бьюкенена. Он тонко подмечает, что в 1980–1990-е годы общественное мнение в Америке по всем опросам всё более тяготеет к консервативным ценностям и правым взглядам, тогда как политическая ось и господствующая в массмедиа тенденция неуклонно смещались в направлении прямо противоположном. Происходила своего рода духовная узурпация. А республиканцы и демократы словно состязались в уклонении от действительных требований и настроений электората, а последний разуверивался в политических партиях во все. Разве не что-то подобное происходило в российском обществе в 1990-е, да и сейчас происходит?

XVI. Сияющий Дом на Холме или постоянный двор?

“... Из всех врагов свободы войны — хуже всех прочих врагов. Никакая нация не в состоянии сохранить свободу при непрерывных войнах”.

Мэдиссон, президент США

Та часть старой Америки, чаяния которой выражает Патрик Бьюкенен, согласна с этим заветом. Все империи погибали от перенапряжения сил. Америка у той же черты. Она пожинает плоды стратегического превосходства единственной сверхдержавы. Времени для этого в обрез. Детали жёсткого, даже в чём-то обманчиво смахивающего на пацифизм взгляда Бьюкенена свидетельствуют, что мы имеем дело не с записным миротворцем. Бьюкенен в годы “холодной войны” примыкал к правому крылу республиканцев, сторонников жёсткой линии во внешней политике. И он — американский националист до мозга костей — с той же неистовостью выступает против превращения Америки в “демократическую” империю, что происходит на глазах.

Никаких “мессианских” заблуждений! Бушевский крестовый поход против так называемого “международного терроризма” был опрометчив — противнику только того и надо. А где выход? “Вернуть джефферсоновскую идею мира, торговли и честной дружбы со всеми нациями, но обременительных союзов не заключать”. Бьюкенен именуется свой план “стратегическим отступлением”. Стало быть, Америке следует разорвать соглашения и союзы времён “холодной войны”, которая закончилась без малого 20 лет назад. Нет речи о самоизоляции Америки, с такими-то огромными экономическими интересами в окружающем мире. Но — никаких интервенций! Не платить по чужим счетам. Остановить вторжение с Юга, объявить мораторий на эмиграцию и выдворить незаконных “квартирантов”, подрывающих рынок труда. Упорядочить федеральный бюджет, что непременно означает и ограничение роли менял из ФРС. Добиться реванша в “необъявленной” культурной войне, водворив на место в рамки Конституции Верховный Суд, превратившийся в неприкасаемую инстанцию. И много ещё чего радикального и даже эпатажного в бьюкененской программе.

Если взять и сложить все пункты вместе — восстановление суверенитета нации, как общности людей и государственного суверенитета, — Америка должна сбросить оковы Корпорократии, для которых она, как в разговорах Санчо Пансы с Дон Кихотом, — не высокий замок на горе (сияющий дом на

холме Рейгана), а постоянный **двор**. Конечно, для России политическая контр-революция по Бьюкенену была бы благой и даже спасительной. И не надо растолковывать — почему. Не поздно ли Бьюкенен и его единомышленники хватились? И в самом деле, американский истеблишмент разошёлся с гамльтоновскими “республиканцами”, дело далеко зашло. Сейчас и не скажешь, за кем большинство общественного мнения, но ценности, за которые ратует Бьюкенен, разделяет значительная часть истеблишмента предпринимательского класса и избиратели американской глубинки. Чья возьмёт, я не ведаю, потому что прошло слишком много лет после моего знакомства с Америкой, одним из самых больших впечатлений которого была откровенная и обстоятельная беседа с покойным ныне Джоном Кеннетом Гэлбрейтом в Гарварде. Но ещё во здравии другой выдающийся американец, просветитель и провидец Линдон Ларуш.

Вот уж кто Гулливер среди этой мелкоты неоконеров! Ларуш — создатель учения “физической экономики”. Он обладает огромной творческой научной интуицией. За ним идут самые светлые головы и честные сердца Америки. И Ларуш говорит сегодня: “Мировая валютная система на самом краю обрыва”. Без её реорганизации на здоровых началах экономики США и Европы ждёт крушение. Грабёж американской индустрии транснациональным финансовым капиталом продолжается. Идёт, по Ларушу, дальнейшее безжалостное разрушение “физической экономики” в Америке, то есть производства действительных потребительских стоимостей, а не “инфляционной трухи” и виртуальных спекулятивных капиталов и богатств, которые существуют лишь в бухгалтерских книгах (Крах Энрона). Обанкротилась самая крупная корпорация мира “Дженерал моторс”. Правительство растратило пенсионные накопления, а часть из них сгорела во время обрушения фондового рынка. Долги корпорации и домохозяйств — триллионные, доллар держится на честном слове. Совокупные инвестиции в мире упали почти вдвое.

Неблагополучное положение не только в Америке, но и в экономиках Германии и России. Как “овцы съели людей” при “огораживании” на заре капитализма в Англии, так глобализация обходится с предпринимательством и трудом. Ларуш говорит о тенденции к “фашизации”. Администрация Буша уже использовала в своей практике некоторые инструменты, заимствованные из практики диктатур 30–40-х годов, свидетельствует советник Ларуша по экономике Джонатан Танненбаум в интервью “Завтра”. И впрямь, Большой Брат теперь на Потомаке заправляет, хотя наши либералы и ругаются, что нам привиделось, и что это предосудительный “антиамериканизм”. Советник Ларуша говорит, что последний выдвинул план реорганизации всей мировой финансовой системы, очищения её от спекулятивного оборота и виртуальности (“казино”) и направления капиталов в реальный сектор. У него, Ларуша, немало сторонников. Ряд сенаторов и конгрессменов сочувственно относятся к его идеям.

Словом, сегодняшний политический класс Америки не так уж и монолитен. Всё, что осталось в Америке здравого и ответственного, пробуждается. Бьюкенен и Ларуш — мыслители и политики из разных политических лагерей, но поглядите, как многое сходится в их взглядах и подходах о том, как вырвать Америку из полона Корпорократии. В России она, власть мировых мейн-стримов, прибирает наиболее ценное к рукам, не поспешая, часто услужливыми руками российских олигархов. И у неё во власти одни заискивающие, душой за них болеющие. Не ходить же им в сиротах при таких-то капиталах.

...Американцам придётся постоять за Америку, а нам, великороссам, за Россию. Нам противостоит одна и та же в разных обликах, но чуждая и немилосердная сила Корпорократии. Николай Костомаров, историк, писал о стародавнем: “Завели гнездо на Руси иноземцы, собрались отовсюду разъедать здоровые соки русской державы. Теперь придёт им убежать в заморщину и жить у нас не господами, а слугами...” Вот так бы и нынче нам собраться с духом и стать заново хозяевами в своём доме.